

18+

Алексей Кочергин

Вектор движения

приключения

Алексей Геннадьевич Кочергин
Вектор движения.
Приключения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395441
ISBN 9785449098740*

Аннотация

Данное произведение является отдельной книгой с полностью автономным сюжетом, хотя и входит в трилогию «Непознанная закономерность, или Тропа сталкера». Временная аномалия Чернобыльской Зоны забрасывает героя книги в суровые тридцатые годы двадцатого столетия. Что еще печальнее, он попадает в передвижной лагерь зловещего ГУЛАГа. Но бывший сталкер не падает духом и совершает дерзкий побег.

Содержание

От автора	5
А	6
Б	9
В	13
Г	17
Глава 1	20
«Нет, это не Рио...»	20
Глава 2	39
Сборы	39
Глава 3	62
Хлопоты	62
Глава 4	87
Старт	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вектор движения Приключения

**Алексей Геннадьевич
Кочергин**

© Алексей Геннадьевич Кочергин, 2024

ISBN 978-5-4490-9874-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

(прочтение вступительного текста абсолютно необязательно, так как не имеет практически никакого отношения к основному повествованию)

Данное произведение является отдельной книгой с полностью автономным сюжетом, хотя и входит в трилогию «Непознанная закономерность». В первой книге наш герой волею случая попадает в аномальную зону, возникшую после второго загадочного взрыва на Чернобыльской АЭС в 1986 году. В этой Зоне, где привычные физические законы нашего мира в результате всплеска неведомой энергии перестали работать, да и сама территория оказалось наводнена животными и растительными мутантами, на плечи герою свалились нелёгкие испытания. С группой беспринципных искателей сокровищ он преодолел все трудности и невзгоды, приобретая и теряя новых друзей, пока вследствие случайного взаимодействия с неведомой аномалией не оказался перемещённым в...

Более никаких подробностей сообщать нет смысла, дабы не утратить интригу. Автор лишь хочет поделиться рядом философских выводов, которые сформировались в процессе написания этого приключенческого романа.

А

Мировое авторское законодательство, созданное в соответствии с базовым принципом капитализма «Прибыль прежде всего», не способствует воспитанию человеческой морали, развитию интеллектуального потенциала да и всего прогресса нашей цивилизации в целом.

В написании данного произведения, для придания ему вящего изящества, а иногда для большей достоверности, частенько возникала необходимость в цитировании тех, либо иных отрывков из книг третьих лиц. Казалось бы, чего проще, бери цитату, указывай её источник, автора и будет тебе счастье. Так нет же, любое цитирование даже коротенькой фразы без юридического согласования с автором текста потенциально грозит процессуальными последствиями. Вы скажете: «Да ведь это отлично! Законодательство таким образом на корню пресекает плагиат и материально стимулирует творчество писателей». Так, да не так. Кто же ради цитатки в пару строк будет обременять себя такими юридическими сложностями, как переписка с авторами текстов, составлением договоров, их нотариальным заверением? Гораздо проще перефразировать необходимую мысль до неузнаваемости, либо вообще от неё отказаться. В результате автор вместо честного, вполне допустимого цитирования идёт либо на маленькую сделку с совестью, либо лишает читате-

ля необходимой конкретики, способной повысить его уровень образованности. А какими невыразимой красоты и тонкого обаяния эпиграфами не получает возможность наслаждаться читатель книги! Какое упоение воздушной рифмой стиха талантливейших поэтов современности он беспричинно теряет. «Придумай своё!» – отрежет бездушный законник, служащий букве авторского права и ведать не ведающий о понятии «Свет Разума». Да придумаем, не проблема. Завалим печатным мусором, мегабайтами сомнительной информации. Выкрутимся. Но есть писатели, а есть ТВОРЦЫ! Им дано свыше. Их СЛОВО, МЫСЛЬ иной раз стоит повторить и раз, и два. Как колыбельную, как молитву. Ибо они очищают и освещают. Но, к глубочайшему сожалению, общество потребления и меркантильности диктует свои правила. Увы.

Хорошо, ежели авторское право насаждает свою идеологию в сфере искусства и литературы, это ещё можно как-то понять и оправдать. А вот когда оно начинает бесчинствовать в технологических сферах, тут уже злость берёт и рука тянется к чему-нибудь тяжёлому. Мало того, что метрополии высасывают интеллект с периферии цивилизации, так они потом ещё заставляют страны третьего мира покупать результаты работы этого интеллекта, обрекая аутсайдеров на вечное отставание и деградацию. По дешёвке скупить патент на эффективное лекарство, а потом, пользуясь монополией, дико взвинтить на него цену – это оказывается и никакое не злодейство, а всего лишь цивилизованный бизнес.

Просто нет слов...

Б

«Ничто не ново под луной». Всё сказано, всё спето задолго до нас. Иногда гениально, иногда посредственно. В сущности, у нас остается лишь возможность дополнить в раскраску новые оттенки. Всё больше и чаще в этом убеждаюсь.

Подбирал подходящий эпиграф о человеческой судьбе и что же я накопал во всемирном хранилище мудрости в результате упорных поисков?

Часть признанных мыслителей склонна считать самого человека творцом его жизненного пути, таким повелителем Пространства и Времени:

Каждый кузнец своей судьбы.

Юлий Цезарь

Люди – хозяева своей судьбы.

Уильям Шекспир

Судьба человека – это сам человек.

Бертольт Брехт

Каждый человек – творец своей судьбы.

Гай Саллюстий

Тотальные перепевы одного и того же простенького послыла. Хорошо, согласились с истинкой. Подчинились авторитету мастодонтов мысли и пера. Ан нет! Имеется еще большая толпа не менее именитых опровергателей данной аксиомы, считающих именно судьбу непоколебимой доминантой, спорить с которой бессмысленно:

*Предопределенного Роком не может избежать даже бог.
Геродот*

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.
Пушкин А. С.*

*Когда назначена судьба, её никто не обойдёт...
Захир-ад-дин Бабур*

*Минуя нас, судьба вершит дела.
Петроний*

*Судьба лепит и мнёт, как ей заблагорассудится.
Плавт*

*Все мы игрушки в руках судьбы.
Шеридан Р.*

*Весь мир – театр,
Мы все – актёры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашею игрой!*
Ронсар П.

Тоже всё как-то тривиально, не блещет умопомрачающей новизной взгляда на конструкцию человеческого бытия. От этих изречений тянет скорее сумрачным раболепием пещерных обитателей пред неведомыми высшими силами. Так кому же из уважаемых сенсеев верить в конце-то концов!?

Нашлись правда и более хитрые господа-товарищи, пошедшие на компромисс в диаметрально противоположных воззрениях на наше мироустройство. Этаких в философских сентенциях так просто не ухватишь за скользкий хвост. Ибо – софисты с серьёзнейшим стажем.

Судьба и характер – это разные названия одного и того же понятия.

Новалис

Нельзя уйти от своей судьбы – другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий.

Ф. Энгельс

Судьба неизбежнее, чем случайность.

Судьба заключена в характере.

Акутагава Рюноскэ

Судьба человека – чаще всего в его характере.

Б. Брехт

Вот так и толчёт человеческий интеллект воду в ступе уже не одну тысячу лет, а в конечном итоге «облико морале» людишек вряд ли от этого меняется в лучшую сторону. По крайней мере, события настоящего времени никак не свидетельствуют об обратном.

В

Не надо никого винить – мы сами виноваты в своих грехах (если не впадать в сложности генотипа, социальную психологию и, тьфу, тьфу, тьфу, в пресловутую конспирологию).

Наблюдал давеча довольно показательную сценку.

В одном из провинциальных промтоварных магазинчиков, где продают всяческую всячину, начиная от строительных саморезов и заканчивая спутниковыми системами, довольно приличная на вид женщина подошла к продавщице.

– Дайте мне тюбик клея побыстрее, – сухо бросила она скорее приказ, чем просьбу.

– Вам какой клей нужен? У нас их много. И цены разные. Посмотрите на прилавке, – продавщица указала на стройный ряд разноцветных и разнокалиберных тюбиков клея, расположенных за витринным стеклом.

– Да откуда я знаю? Вы продавец, вы и должны знать. Мне каблук надо приклеить, – уже совсем нервно заявила дамочка. – И побыстрее, меня мастер ждёт.

– Понимаете, они практически все универсальные... Возьмите вот этот. Хороший клей, – несколько растерялась продавщица от такого бесцеремонного напора.

– Да что вы мне самый дорогой суёте?! Вон же дешевле есть!

– Хорошо, хорошо. Сейчас поменяю, – было видно, что

продавщица уже еле сдерживается и мысль у неё лишь одна: «Шла бы ты, милочка, отсюда побыстрее».

Дама схватила тюбик клея и с гордым видом покинула помещение.

Не прошло и десяти минут как она снова ворвалась в магазинчик и с ходу гневным голосом выдала:

– Вы мне подсунули негодный клей. Мастер попытался его выдавить, а он засох в тюбике. Как вы работаете? Это же безобразие! Вы должны отвечать за качество продаваемого товара!

Продавщица взяла тюбик и поменяла его на новый. Извинилась и пояснила, мол невозможно проверить клей, он герметично в блистеры запечатан. Но разгневанную клиентку такой вариант мирового соглашения явно не устраивал и она взялась поучать продавца основам розничной торговли и приемки товара.

– Вы должны при получении товара один тюбик проколоть иголкой и, если он засохший, вернуть поставщику всю партию. Вы отвечаете за проданный товар. И кто вас контролирует только?! Вот у нас такого нет. Это у вас в провинции бардак сплошной!

На вопрос уже несколько возмущённой очереди «где это у нас», требовательная клиента гордо ответила: «В Москве». Естественно, у народа нашлось много что сказать по этому поводу и он за словом в карман не полез. А продавщица лишь логично уточнила, все ли тюбики ей при приёмке то-

вара протыкать булавкой? Заведясь от услышанного, покупательница в жёсткой форме потребовала жалобную книгу и начала ровным мелким почерком строчить гневное заявление. Она исписала целых две страницы. Очередь примолкла, в целом сочувствуя продавщице, попавшей в сложную ситуацию. Но ведь и защитить невиновную никто не попытался! Каждый вдруг забеспокоился о себе, не захотел влезать в конфликт, уж не пойми чего и опасаясь.

Дама ушла. Старший менеджер, который наблюдал эту дикую картину маслом, подошел к прилавку, взял тетрадь, вырвал исписанные страницы и превратил их в клочки, даже не читая, – не надо множить зло, впускать в наш мир негатив через слова и звуки. И без того настроение многих людей было испорчено по пустяшному в общем-то поводу.

Стоило ли так долго заострять внимание на этом избыточном сюжете, коими переполнено наше брренное существование? Может, у нервной женщины было плохое настроение? Банально не выспалась. Или что-то не то съела? А впечатлительный автор целую страницу текста от избытка чувств нацарапал?

Но давайте задумаемся, не так ли в пресловутые тридцатые годы двадцатого века, порой из-за бытовой неприязни, сплошь и рядом строчили советские граждане друг на друга доносы в компетентные органы? И вот уже сломана чья-то жизнь, разрушена счастливая семья, оборвано целое поколение. И кого в итоге винить в массовых репрессиях? Толь-

ко ли вождя или стоит и в социуме покопаться? Понять причины данного социально-психологического феномена?

Справедливости ради, нужно отметить, что болезнь доносительства присуща во все времена большинству людей нашей планеты.

Г

Грешен. Каюсь. Люблю поразмышлять. Просто обожаю.

Это неопишимо, потрясающе, когда пытливый разум, блуждая в бесконечном виртуальном пространстве, ловко нанизывает драгоценные жемчужины мыслей, идей, слов на непрерывную нить времени. Процесс творчества, порождённый божественным вдохновением, завораживает, заставляя забыть про всё и вся вне этого действа.

Порой человеческий ум разрывает границы определённые ему природой и тогда генерируемое полетом вдохновения пространство стремительно и неумолимо расширяется, охватывая всё новые и новые понятия, сферы, множества. Воистину, эйфория и упоение процессом пленяют творца-наблюдателя, коему посчастливилось лицезреть, как из сингулярности мыслевспышки в ничтожное мгновение вдруг зарождается целая Вселенная, торжественная в своем многообразии и величии. Воображение, подобно неистово пляшущей молнии, бешено и непредсказуемо мечется, пронзая парсеки пространства множеством туннельных переходов в поисках крупниц Абсолютного Знания. Эта гегемония разума восторгает и подавляет своим совершенством и тотальным превосходством.

Как жаль, что оный лихорадочный процесс творения случается нечасто и посещает немногих, на единый миг подни-

мая счастливых до уровня Создателя.

Намного чаще, в отличие от глобальных вакханалий поисков истины, мы наблюдаем локальные изыскания. Когда исследователь, подобно усталому медэксперту, скрупулезно и неторопливо изучает засохший трупик факта, слова, мысли. Ворочаясь в тесноте прокрустова ложа, он пытается сложить из полученных мизерных кусочков знаний целостную картину, вызывая лишь жалость и сострадание. Ему неведом полет фантазии, сладостное ощущение, когда интуиция вдруг щедро подтверждается железобетонной твердостью фактов. Получить бледный экстракт из ничтожного подмножества информации – вот незавидный удел неспособного к пространственному воображению.

Однако, поразмыслив, начинаешь понимать – невозможно Озарение первооткрывателя без кропотливого Труда рядового статиста, что изо дня в день монотонно складывает в свою кубышку невзрачные крупички знаний. Не может произойти прорывного Открытия без повседневного скрупулёзного исследования частных проблем. Истина в том, что оба способа познания тесно связаны друг с другом. И это называется «симбиоз разноуровневых интеллектов» и «переход количества Информации в качественно новое Знание».

Беда в лишь в том, что частенько знания, приобретённые столь высокой ценой, оставляют лишь шрамы на сердце и смятение душевное в полном соответствии с великой мудростью, тонкой ниточкой протянувшейся к нам из глубины

ВЕКОВ:

*И предал я сердце моё тому,
чтобы познать мудрость
и познать безумие и глупость;
Узнал, что и это – томление духа.
Потому что во mnogой мудрости много печали;
И кто умножает познания, умножает скорбь.*

Книга Екклесиаста (1:17—18)

Глава 1

«Нет, это не Рио...»

*Учение о реинкарнации – это единственная теория бессмертия, которую может принять философия.
Дэвид Юм*

Последнее, что помнил Иван, это выражение несказанного облегчения на лице проводника, чудом избежавшего неминуемой казалась бы гибели. Ну, ещё мерцающий бесплотный шар, летящий прямо Ивану в голову. Тягостное, надо сказать, воспоминание. Но то, что он обнаружил, разлепив ресницы, понравилось ему ничуть не больше. Увиденное было настолько абсурдно, что хотелось вновь закрыть глаза в надежде, что при последующем их открытии данность станет более приемлемой для разума.

«Нет, не станет, – тоскливо подумал Иван. – И не стоит тешить себя наивными иллюзиями. Чернобыльская Зона не разменивается на пустяки. Уж если она решила сюрпризом порадовать, то, будь уверен, „Вау!“ будешь кричать вполне искренне. Возможно, вплоть до заикания».

Было от чего и покричать, и волком завывать. Тусклый свет керосиновой лампы эпохи доисторического материализма

освещал мрачное помещение товарного вагона с двухэтажными нарами в его торцах. У широкой вагонной двери шипела сырыми дровами уродливая печка с несуразным названием «буржуйка», прозванная так за непомерный аппетит к топливу и за крайнюю скупость, с которой она отдавало тепло окружающему пространству. На нарах вповалку уместилось около полусотни заросших щетиной мужиков разного возраста, валявшихся на тощих матрасах прямо в телогрейках и валенках. И немудрено – в вагоне было довольно холодно. Нет, замерзнуть вусмерть здесь было сложновато, но ни о каком температурном комфорте говорить тоже не приходилось. Вон, малюсенькие окна таким слоем инея затянуло, что и света белого не видно.

– Что, очнулся, паренёк? Как саданула тебя шаровая молния, так мы уж и подумали... того... Зимой... в этих-то широтах... шаровая молния! Я не ведаю, как и объяснить-то подобный феномен. Возникло ниоткуда это чудо чудное и смятение немалое в нашем обществе разношерстном произвело. О подобной разновидности молнии немногие слышали, а уж видели такую оказию и вообще единицы. А она, окаянная, сделала своё чёрное дело да и ушла по замысловатой траектории через оконное стекло. Как раскалённая дробина сквозь масло, прошла. Видишь, отверстие оплавленное паклей заткнуто? Ты чувствуешь себя-то как, паренёк? – озаботился пожилой сосед слева и громко высморкался в грязную тряпицу и близко не напоминающую носовой платок.

– Слышь, мужик, какой я тебе паренёк? Мне за полтинник уже перевалило.

– Э, да ты видимо бредишь, паренёк. Эх, бедолага... – сочувственно протянул простуженный собеседник, явно не обделённый ни интеллектом, ни обширными знаниями.

«Паренёк, паренёк... Какой паренёк?» – попытался мысленно пошутить Иван, уже сердцем чуя неладное.

Что-то непривычное в ощущении своего тела заставило пристальнее в этом разобраться, проанализировать поподробнее. Иван пошевелился и с трудом переместил занемевшее туловище в сидячее положение. Этому действию совсем не способствовали толстые ватные штаны и аналогичная телогрейка. Попробовал помассировать затёкшие мышцы ног и почувал совсем уж неладное. Постепенно он начал осознавать, что с рельефом мышц произошли какие-то изменения. Незначительные, трудно заметные, но всё же... Более тонкой пальпации мешали грубые брезентовые рукавицы с утеплённой подкладкой. Иван скинул их и опешил – он не узнавал своих рук. Грубые мозолистые пальцы с грязными ногтями, отсутствие большого шрама на левой руке, столь неудачно заработанного в детстве. Да и вообще кисти были НЕ ЕГО!

Иван в панике начал судорожно ощупывать своё лицо – оно, несомненно, принадлежало другому человеку. Раздеваться и полностью осматривать себя было глупо, нереально, ввиду холодрыги, и, самое главное, абсолютно бессмысленно. Картина и так уже проявилась в полной красе и ясности,

о которых всяким абстракционистам и прочим извращенцам от искусства только мечтать и мечтать.

«Подкинул все ж радужный шарик подянку великую да изошрённую. Снял матрицу головного мозга да и зашвырнул небрежно неведомо куда. Интересно, он клонировал личность или рокировочку какую хитрую осуществил? Кто там, в Зоне, заместо меня бродяжить остался, и куда бывшее сознание вот этого конкретного тела переместилось? Впрочем, нифига и неинтересно. Мне сейчас в данную реальность вращать надо, жизнь свою обустраивать. Где я, кто я? Как хоть выгляжу?»

Этот вопрос не на шутку встревожил Ивана. Привык он к своему прежнему телу, свыкся, знаете ли.

«А вдруг уродец какой – девки ведь любить не будут, – мелькнула шутивая мыслишка. – Вот ведь старый хрыч, седина в бороду – бес в ребро. Хотя почему старый, почему хрыч? Да мне, может, лет двадцать! По крайней мере, именно на столько годков я себя и ощущаю физически».

– Слушай, дружище, у тебя зеркальца не найдётся? – Иван легонько толкнул в бок простуженного.

– Ага, трюмо семейное с собой таскаю, – недовольно буркнул тот. – Спи давай, пурга закончится – на работу погонят.

– Уважаемый, ну скажи хоть, как я выгляжу? – всё же не удержался от вопроса заинтригованный ситуацией невольный переселенец в чужое тело.

– Как голодный, оборванный каторжанин Норильлага¹, – ответил сосед и, оценив тонкость своей же шутки, зашелся в тихом смехе, переходящим в надсадный кашель.

– Дружище, пойми, я ведь не помню ничего. Молния эта паскудная блеснула – и всё... Ни где я, ни кто я – ничего не помню. Помоги хоть что-то понять. Год-то какой нынче?

– Да ну? Правда, что ли, всю память отшибло? – сопливый сосед заинтересованно повернулся к Ивану. – Совсем-совсем ничего не помнишь?

Получив клятвенный утвердительный ответ, удивленный коллега по вагонному узилищу начал посвящать Ивана в его теперешнее настоящее. Иван слушал и обалдевал. Никакого более деликатного определения своим чувствам он подобрать бы не смог.

Закинула его судьбинushка нелёгкая, вертлявая в зимний месяц январь далёкого 1937 года. Ладно бы только это, но неприятность оказалась ещё масштабнее. Тело, в которое так ювелирно переместилось сознание Ивана, принадлежало осуждённому Норильского исправительно-трудового лагеря, одного из отделений зловещего ГУЛАГа². И тело это отхватило немалый срок не за какую-то там банальную бытовуху, а за вполне себе конкретную антиреволюционную деятельность. Каким-то чудом вместо расстрела получившее лишь «десяточку» северных лагерей.

¹ Норильлаг – Норильский исправительно-трудовой лагерь.

² ГУЛАГ – Главное Управление ЛАГерей.

Никакой иной полезной информации Иван так и не сумел получить от своего соседа по нарам. Их группу спешно сформировали из разных отрядов лагерного подразделения, расположенного в порту Дудинка, и знали они друг о друге не так уж и много. Но самое главное путешественник во времени уразумел, и это знание не радовало.

Шутка ли – Иван находился в рабочей теплушке среди группы заключенных, чей удел прокладывать в приполярной тундре железную дорогу протяжённостью аж в целых сто четырнадцать километров от морского порта Дудинка до городка Норильск. Причём, строить эту уникальную дорогу в тяжёлых зимних условиях Заполярья. Строить в безумной спешке, намораживая на застывших речках дамбы вместо мостов, кладя сырые шпалы прямо на стылую землю, надеясь успеть до лета отправить хоть несколько эшелонов для закладываемого гиганта социалистической индустрии. Стране Советов был крайне необходим стратегический никель, а Норильский горно-металлургический комбинат остро нуждался в стройматериалах и продовольствии. Вот и строился Норильск. Разрастался и вдоль, и поперёк. И в глубину, кстати, тоже. Разрастался, в основном, шахтами, заводами, инфраструктурой. Имелись для этого веские основания: богатой оказалась северная кладовочка Красной Империи. Здесь тебе и никель, и медь, и платина, и кобальт. Огромные запасы каменного угля. Вот только как отсюда вывезти все эти несметные богатства? Только морем, так называемым Север-

ным морским путем. А до порта? Да, в конце 1935 года достроили гужевую дорогу Норильск – Дудинка. Но много ли на скотине увезёшь? «Железка» нужна под это дело. Позарез необходима железная дорога. Вот её-то и строили, не считаясь ни с человеческими, ни с материальными затратами. С двух сторон, от морского порта Дудинка и от Норильска, движутся бригады зеков навстречу друг другу, попутно сооружая зачатки инфраструктуры в виде убогих, продуваемых всеми ветрами, бараков. В них остаются больные и ослабевшие. Но и им не грозит бездельничать и трескаться от пуза дармовой казённый харч. Их задача – обеспечивать расчистку железнодорожного пути от снежных заносов, осуществлять несложный ремонт. А головные бригады медленно, обмораживая руки и теряя своих товарищей, упорно тянут нитку узкоколейки, совершая трудовой подвиг за гранью возможного. Эта транспортная коммуникация станет самой северной железной дорогой во всём мире. Воистину, нет крепостей, которые большевики не смогли бы разрушить³, и нет таких свершений, на которые они не были бы способны.

«Значит, я попал в бригаду усиления, призванную пополнить вымотанный непосильным трудом и полярным холодом авангард героев-первопроходцев. Почётная доля, спору нет. Вот только что-то не тянет меня в этом участвовать. Ну ни-

³ *«Нет в мире таких крепостей, которых большевики не могли бы взять...»* Цитата из доклада И. В. Сталина «О работах апрельского объединённого пленума ЦК и ЦКК» на собрании актива Московской организации ВКП (б) 13 апреля 1928 г.

сколько. С механизацией здесь явно плоховато – лишь лом да лопата. И бытовые удобства не на должном уровне. Вот уверен, что простыни не глажены, а наволочки без узорной набивки. На обед, ясное дело, салат из несвежих креветок подсунут и подгоревший стейк из мраморного мяса. Знаю я этих ловчил. А зарплату вместо доллАров, наверняка, деревянными выдадут. Нет, ребята, я пас. И не уговаривайте».

Мозг Ивана отчаянно юморил, пытаясь таким образом сгладить весь ужас сложившегося положения. Это ж как изошрённо поиздевалась над ним коварная Зона – подарила здоровье, силу, молодость и тут же обрекла растратить их в таких жутких краях. Подумать только – шестьдесят девятая параллель северной широты! Практически на целых триста километров севернее Полярного круга!

Из пут невесёлых мыслей Ивана выдернул стук дневального поварёшкой по десятилитровой посудине, пристроенной на теле буржуйки. Традиционный, во все времена, сигнал к приёму пищи.

«Пожалуй выбора нет. Придётся продегустировать меню в этой убогой обители заблудших душ. А горькие думы потом думать будем. Где моя большая ложка?»

Деревянная ложка отыскалась в потёртой вылинявшей торбочке, что лежала в изголовье. Там же имелась мятая алюминиевая миска и приличных размеров кружка из аналогичного материала.

Стараясь держаться поближе к соседу и повторяя все его

действия, Иван пристроился в очередь. Первыми на раздачу пожаловали, естественно, представители воровского мира. Их уверенные, наглые взгляды лучше всякой справки обозначали статус в данном сообществе. Им и достались лучшие, щедрые порции похлёбки, сваренной в походных условиях. С шуточками-прибауточками урки отчалили в свой привилегированный угол вагона. Наконец, и в иванову миску плеснули лагерного «деликатеса». Сунули в руки несколько мёрзлых ржаных сухарей.

«А где компот?» – мелькнула в голове шутка юмора.

– Воду сейчас не бери, она холодная, – помог определить сосед-инструктор. – Часика через два, когда для второй бригады похлёбку сварят, дневальный кипяточек организует. Чайку попьём.

«Понятно. Компота не будет. Я так и знал».

Иван с интересом смотрел на миску с жиденьким нечто.

«Какие-то крупинки плавают, куски рыбьих хребтов, странные нитки то ли мяса, то ли рыбы. Вроде кусочки овощей попадают. Да уж, очаровательный фитнес-супчик. Неужели я буду это есть?»

– Чего ждешь, парень? Суп остынет мгновенно. Али как ложкой пользоваться тоже позабыл? – съехидничал сосед, наворачивая похлёбку со сноровкой паровой землечерпалки.

Иван понимал всю посконную правоту своего инструктора по лагерному быту. Тепло – это энергия, еда – это энер-

гия, а в таких суровых условиях её просто так терять не пристало. И хотя разум всячески противился употреблять подобную злую пародию на суп, организм настойчиво требовал наполнить желудок. В конце концов несчастный лагерник согласился с истинностью постулата о первичности материи и стал осторожно хлебать то, что в прошлой жизни, пожалуй, и рвотные рефлексy могло бы спровоцировать.

Разумно решив, что старожил лучше знает, что и как, Иван скопировал его систему питания: раскрошил пару сухарей в горячую похлёбку, а остальные засунул в огромный карман, нашитый с внутренней стороны телогрейки. Супец остывал молниеносно, поэтому он форсировал работу ложкой, и вскоре в миске уже и капельки не осталось. С великим тщанием облизав деревянный инструмент, упрятал его в котомку.

– А что, второе блюдо здесь не предусмотрено? – обратился Иван к соседу, уже пристроившемуся подремать.

– Вечером дневальные каши сварят. Раз работы нет, пайка урезана вдвое. Вот пурга в тундре поутихнет – выгонят на работы. Будет работа, будет и нормальная еда. А пока отсыпайся. Попозже чайку попьём, – недовольно ответил тот, поудобнее устраиваясь на нарах. – Слушай, а ты часом не ваньку валяешь? Действительно, ничего-ничего не помнишь?

Услышав в ответ глубокий, тяжёлый вздох бедолаги, сосед проворчал что-то сочувствующее и вновь закрыл глаза.

За тонкой стенкой теплушки выл ветер, скребя наждаком

снежной крошки по доскам вагона, словно пытался отполировать их до зеркального блеска. Шумели в своем углу урки, что-то проигрывая и выигрывая в самодельные засаленные карты. Остальные каторжане, согретье проглоченной второпях похлёбкой, дрыхли на нарах. Но Ивану не спалось, и он, толкнув в бок своего инструктора, начал доставать его расспросами. Поворчав для приличия, сосед всё же попытался обрисовать общую картину и отдельные частности жизни, которая так бесцеремонно затянула в себя Ивана.

Из разъяснений сторожила этих мест Иван узнал, что «чёрная пурга» – это снежная метель, при которой скорость ветра порой достигает сорока метров в секунду. И, фактически, это уже и не пурга, а самый настоящий ураган, способный играючи сбить с ног здорового мужика и утащить его в тундру подобно смятой пачке из-под папирос. Видимость при таком катаклизме практически нулевая. Передвигаться без страховочной веревки равносильно самоубийству. К счастью, такой «подарок» природа преподносит крайне редко. Но вот не менее опасные метели с порывами ветра до тридцати метров в секунду – не такие уж и редкие гости в этих местах. Этакие нежданчики заставляют всё вмняемое население забиться в первую попавшуюся щель и носа оттуда не высовывать до окончания сего бесчинства. А в остальные деньки природа душевно радует здоровой спокойной погодой. Ну подумаешь, дней сто в году обычные метели злобствуют. Зато в остальные дует ровный спокойный ветерок

со скоростью метров так шесть-семь в секунду. Лепота...

Зима в этих краях холодная, долгая. Никаких тебе оттепелей. Они полностью исключены в этом царстве холода и ветра. Порядка 280 дней в году составляют морозные дни. Средняя температура календарных зимних месяцев крутится около отметки минус тридцать градусов Цельсия. Но может, играючи, и до минус пятидесяти опуститься. Снежный покров упорно держится около восьми месяцев.

Немудрено, что при таком климате неподготовленный или ослабленный человек, да ещё задеятвованный на изнуряющих работах, так и норовит либо заболеть, либо вообще покинуть этот грешный и безжалостный мир. И хотя в Норильлаг отбирались лишь здоровые и крепкие заключенные в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, но и они порой не выдерживали постоянных атак цинги, туберкулёза, истощения организма от постоянного недоедания.

Много ещё чего поведал старожил о бытии в этой юдоли человеческой такого, о чём в прошлой жизни Иван и слушать бы не стал. От полученной информации, притом поданной в цинично равнодушной форме, наш герой совсем загрустил. А ведь ещё вчера он был пессимистично уверен, что хуже и быть не может. А вот теперь проснувшийся оптимист в голове восторженно утверждает: «Может! Очень даже может!»

Вполне вероятно, что ещё долго бы мучился несчастный скиталец от своих горьких размышлений, но молодой орга-

низм взял своё и успокоил мозг здоровым крепким сном.

Снился Ивану пикник на дачном участке с деревянным домиком, в кругу лучших друзей. Зелень густых кустов смородины радует глаз, а аромат томящегося в мангале нежнейшего мяса, приготовленного по оригинальному рецепту, щекочет ноздри и заставляет желудок предвкушать роскошную трапезу. Уже нетерпеливо выпита первая рюмка кристально чистой финской водки и сошёл на нет ажиотаж сервировки садового столика. Блаженство! Умиротворение и благодать наполняют разум и тело. Хорошо! Впереди ещё многие часы степенной беседы и сытного застолья. Разговор нетороплив и пока ещё дружен с логикой и наполнен лёгким юмором. Жужжат пчёлы, собирающие свой взятки пыльцы с благоухающего вокруг разнотравья. Ленивая кошка развалилась неподалёку и терпеливо ждёт своей доли на этом празднике души и плоти. Прохладный ветерок приятно освежает разгоряченное алкоголем тело, мягко колышет края льняной скатерти. На крыльцо соседнего домика выходит очаровательная грудастая блондинка и хриплым противным голосом со всей дури орёт:

– Первая, вторая бригада – на работу! Хватит дрыхнуть, дармоеды!

Иван приподнял голову. Вместо аппетитной блондинки

в дверной проём вагона ввалился крупный мужик в тулупе с поднятым воротником. К нему с нар прыгнули два человека и отрапортовали о состоянии своих бригад. Получили в весьма образной словесной форме краткую инструкцию, включающую в себя описание фронта предстоящих работ, а также меры «поощрения» к возможным саботажникам оных. Красномордый мужик в тулупе ушёл, а зеки стали собираться на трудовую вахту. В итоге обещанного горячего чайка Иван так и не попил. Аристократическое чаепитие было вульгарно заменено наспех проглоченной кружкой тепловатой воды.

Выскочив из вагона, Иван засомневался, в своем ли уме их начальник? Температура за бортом была явно ниже двадцати градусов мороза. И ладно бы только это! Дул пронизывающий ветер, обдирая лицо мелкой колючей крошкой снега. Дул ровно, как из огромного мощного вентилятора, гоня потоки в одном направлении. Сумерки не позволяли охватить все пространство взором, но и увиденное действовало угнетающе: мятое безжизненное полотно тундры простиралось во всех направлениях.

«Да как в таких условиях вообще можно народ из вагона выгонять? Тут и собака околеет, не то что человечек в смешном ватнике! Ба, да здесь ведь ещё и работать надо! Во попал!»

Цепочка зеков шла с подветренной стороны состава, насчитывающего всего лишь девять вагонов. На последних

платформах угадывались, занесённые снегом шпалы. Перед теплушкой, ставшей для Ивана временным домом, располагался женский вагон. Из повествования своего соседа Иван уже знал, что в нём следуют по этапу в базовый лагерь Норильска полсотни осуждённых женщин. Как правило, каторжников доставляли вниз по Енисею из Красноярска, где находился пересылочный пункт Норильлага. Перевозили заключённых в летние месяцы в период навигации речными баржами в Дудинку. А уже оттуда гнали арестантов большими партиями в лагерь прямо через тундру. Но что бы вот так... в полярную ночь... Видимо, острую нехватку рабочих рук испытывает стройка комбината, если даже в такие морозы её решили пополнить человеческим ресурсом.

«А ведь железка еще не достроена! Через десяток километров – крайняя точка укладки рельс и дальше колонна женщин пойдет пешком через снежную тундру, где отстать от группы смерти подобно. Не случайно охрана так многочисленна и небрежна в отношении своих обязанностей. Куда тут бежать: шаг влево, шаг вправо и... ага. Найдут только летом... то, что не съедят полярные волки, – грустно размышлял Иван, осматривая, прищуренными глазами окружающее пространство и затерявшийся в нём состав. – Вот штабная теплушка. Даже по внешнему облику видно – новенькая. Охранник с винтовкой топчется... Так, платформы с рельсами... Два полувагона с углём... Чудо-юдо-паровоз. Дым из трубы вьется. В будке машиниста свет уютно теплит-

ся».

Обогнув состав, бригада оказалась впереди паровоза, и, свежезавербованный на великую стройку социализма, зацепил предстоящий объём работ. Метров на сто вперёд, вплоть до странной двери в огромный снежный сугроб, железнодорожное полотно было замечено толстым слоем снега. Вот его и предстояло зачистить до самых рельс.

Сказать-то легко, сделать намного сложнее. Мелкий снег при таком ветре наслаивается, уплотняется и становится очень твёрдым. Снегоочистительный отвал паровоза его, естественно, не берёт. Человек с совковой лопатой тут тоже бессилён. Приходится резать пилами или кайлить, как каменный уголь.

Началась утомительная, монотонная работа. Подгонять никого особой нужды не имелось – холод делал это не хуже самого свирепого надсмотрщика. Вот поэтому начальник состава скоро укрылся в штабном вагоне. Изредка появлялся боец ВОХРа⁴ в белом тулупе и с винтовкой Мосина за спиной. Исключительно для порядка. Побега охрана не боялась. Интересно было бы посмотреть на безумца, рискнувшего совершить столь самоубийственный поступок. Да здесь в шею гони – фигурки кого дальше чем на десяток шагов от дороги вытолкнешь!

Как и везде, имело место быть социальное неравенство. Блатную часть заключённых бригадир, по замашкам той же

⁴ ВОХР (войска) – войска Внутренней ОХРапы республики НКВД СССР.

масти карта, отправил отрывать дверь в снежном холме. Метель там несколько менее сурово бросалась на людей и, соответственно, работали они в более сносных условиях. Куда ведёт эта загадочная дверь, Ивану уже успел поведать всезнающий сосед по нарам.

В целях борьбы со снежными заносами разработали здешние кулибины ноу-хау. На отдельных участках вдоль полотна ставились деревянные перила, перекрытые сверху настилом из дюймовых досок. Боковые стены достраивали из твердых снежных блоков, полученных при очистке дороги. Остальное доделывали ежедневные метели. В результате возникал тоннель, внутри которого было тихо и чисто. Жаль, что, по понятным причинам, упрятать всю железку в такое укрытие было нереально. Да и таял снег летом.

«Может подсказать этим олухам про аэродинамические щиты? Они так формируют воздушный поток, что тот дорогу от снега до самой земли зачищает. Не хуже бульдозера. Хотя, есть в этих краях инженер-путеец, который вскоре и сам до этого додумается. Вмещаюсь я со своими советами, глядишь, „эффект бабочки“ в истории страны такую загогулину завернёт, что мама не горюй. А может и к лучшему? Не, не буду. Инженера премии лишат, а я карму себе испорчу».

Метель несколько поутихла и работа стала более продуктивной. Ивану досталась большая совковая лопата, которой он и откидывал с насыпи сколотые куски снега. Рядом с ним пожилой доходяга оттаскивал в сторону спиленные снежные

блоки. Он долго примеривался к каждому «кирпичику», потом с оханьем поднимал его и, шаркая ногами, переносил к краю насыпи.

– Смотри, дед, не надорвись, а то пупок развяжется, – хотнул над стариком длинноногий верзила, уверенно орудуя тяжелым кайлом.

Иван подхватил снежный блок, чуть не выскользнувший из рук пожилого каторжанина, и откинул на обочину дороги.

– Нечего дармоеда жалеть. Совсем разленился старый хрыч. Работай шустрее! – прикрикнул на старика бригадир. – Это всех касается! Живее!

Сколько прошло времени и который сейчас час, Иван уже не понимал. До него наконец дошла истина, что солнышка ждать не следует ни днём, ни утром – на дворе полярная ночь во всей её неприглядности. Время суток определить можно лишь по часам, коих, как оказалось, он не имеет. Да и зачем ему часы? Вон тот мордатый надсмотрщик за всех решит, когда есть, когда спать, когда и сколько работать. Иван и работал, стараясь не делать лишних движений, выдерживать общий ритм бригады.

Когда уже ноги стали дрожать от усталости, а куски снега скатываться с лопаты совсем в неположенном месте, бригадир «протрубил» конец рабочей смены. Подтянулись и блатные, давно уже откопавшие вход в тоннель и, пожалуй, успевшие выкурить в нём не одну самокрутку.

– Бабы тоже нехай поработают, – оскалился один из бри-

гадиров. – Небось, отлежали бока до онемения, враги трудового народа.

Никто его шутку не оценил. Все скорее хотели в теплушку – ветер снова усилился и старался задуть снежную пыль в любую, даже крошечную, щель на одежде.

Глава 2

Сборы

Тюремщик может забыть, что он поставлен стеречь, – узник не может забыть, что его стерегут. Узник чаще думает о побеге, чем его страж о том, как помешать ему бежать.

Жюль Верн. Дети капитана Гранта

– Холодно, – отчетливо и довольно громко произнес, плетущийся в кучке арестантов, старик, совсем уж банальное утверждение для данного климатического региона.

Еще бы было не «холодно» – ледяные кристаллы снега буквально впивались в открытые участки лица, а пронизывающий ветер, казалось, не обращал абсолютно никакого внимания на толстый слой ваты телогрейки и леденил уставшее от работы тело.

«Вот сыскался капитан Очевидность на наши бедовые головы! – вяло и скрипуче проползла в голове Ивана раздраженная мыслишка. – Без него, естественно, никто бы сей особенности Полярного севера не уразумел и не прочувствовал всем своим неприспособленным человеческим тельцем. Ага... Здесь и пингвин заскучает от недостатка тепла и лас-

ки. А уж бледнолицые, лишенные эволюцией густого волосяного покрова и подавно. Старый нытик...»

Однако, спокойствие и отсутствие какой-либо эмоциональной окраски брошенного в пространство слова чем-то царапнули, смутили мозг какой-то глубинной загадочностью.

– Жарко! – вдруг хлестко вырвалось из уст доходяги несообразное для данной обстановки заявление, подозрительно похожее на приказ.

Мозг Ивана ещё пребывал в ступоре от столь противоположных утверждений и пытался найти удобоваримое объяснение такому словесному маразму, а поступающая визуальная информация уже наносила ему куда более разрушительный удар.

Движение обозначилось одновременно по всей массе их малочисленной группы. Глаза просто не успевали всё отследить досконально, во всей полноте и четкости, поэтому разум фиксировал лишь отдельные кадры. Вот по левому флангу длинноногий верзила, прихватив одной рукой винтовку вохровца, другой наносит ему сокрушительный апперкот в голову. Чуть правее, его сотоварищ искусно проводит переднюю подножку бригадиру, лицо которого даже не успело изобразить удивление от происходящего. Зэк стремительно перекатывает противника физиономией вниз и утыкает её в жесткий снег, лишая возможности закричать. Справа, один за другим, слаженно, не мешая друг другу, словно свя-

занные невидимой нитью, буквально летят по утрамбованному снегу еще три серые фигуры. Их цель – часовой у теплушки с арестантами. Тот, сделав ещё пяток шагов в конец состава, не спеша заученно поворачивается через левое плечо и с недоумением смотрит на бегущих к нему заключённых. Солдатик не сразу осознает, что же, собственно говоря, происходит и куда эти дурковатые зеки так торопятся. А осознав, лихорадочно пытается снять винтовку с предохранителя. Именно «пытается», ибо эта процедура действительно похожа на пытку, так как крайне сложна на морозе, когда пальцы в непослушных меховых рукавицах никак не могут ухватить заветную «пимпочку». С ужасом уразумев бесперспективность поставить винтовку на боевой взвод, охранник пробует применить удар штыком, но его противник отбивает оружие ногой в сторону и с ходу наносит мощный удар головой в лицо. По инерции оба падают и начинается короткая, жестокая схватка. Она происходит яростно, молча. Особенность психики мужских особей – не тратить даже крупицы сил на крик, а выплеснуть их все без остатка в отчаянном смертельном поединке. Любая женщина заорала бы благим матом и, в данном случае, принесла бы больше пользы и себе и своим товарищам, предупредив их об угрозе. Но инстинкт есть инстинкт. Это танк, против него не попрёшь.

Охранник еще трепыхался в агонии, а его винтовку уже подхватил второй нападавший. Он мгновенно нашел общий язык с предохранителем и вскочил в дверь теплушки, забот-

ливо распахнутую третьим из столь прыткой команды. Хотя и тот тоже ни на одно лишнее мгновение не задержался на снегу, а проворно заскочил в вагон, скинув рукавицы и выхватив заточку из-за пазухи. За ним, как последняя горошина из стручка, последовал подоспевший длинноногий с винтовкой первого вохровца.

В командной теплушке раздался лишь один выстрел. И был он винтовочный. А потом в дверь вагона высунулась фигура в ватнике и махнула рукой. И стало понятно – действующая власть бесславно пала, флаг пора менять. Вот только на какой?

Лишь теперь Иван сумел стряхнуть с себя оцепенение и развернулся в сторону старика. А старик исчез! Вместо него стоял матёрый, подтянутый командир, спокойно обозревая поле боестолкновения и анализируя сложившуюся диспозицию. Серые холодные глаза с властным прищуром, тонкие, плотно сжатые губы. Лишь учащённое дыхание выдавало внутреннее волнение. Но это уж работа гормонов – организм в стрессовой ситуации инстинктивно насыщает кровь кислородом, для возможности активно действовать и ясно мыслить.

«Да... Грамотно сработано. Очень грамотно. Чётко и молниеносно проведённая спецоперация по захвату грузового железнодорожного состава, – Иван по достоинству оценил данную акцию. – Кто он, этот дед? То, что португепя для него привычнее перьевой ручки и чернильницы, так это и сове по-

лярной понятно. А вот из каких таких войск, что сумел в зон-
новских условиях натаскать целую группу скорохватов, раз-
работать детальный план и столь успешно его осуществить?
А какова конспирация? Кто из лагерных оперов смог заподо-
зрить в сломленном невзгодами старике организатора кон-
спиративной группы заговорщиков? Так грамотно нейтрали-
зовать охрану... Нет, это высший пилотаж! И современный
спецназ мог бы кое-чему поучиться.

Хотя, вполне возможно, что это и есть прародители те-
перешнего Спецназа. Ведь ещё в 1932 году под крышами
ОГПУ⁵ и военного разведуправления были созданы аж це-
лых три школы специалистов по партизанско-диверсионным
операциям. А в 1934 году уже появилась директива о форми-
ровании спецподразделений в РККА⁶. Скорее всего, из этих
структур наш командор и появился в лагерном зоосаде. Да
и птенцы его из того же гнезда. Основная часть уж точно
там поднатаскалась своему ремеслу. Ну очень уж профес-
сионально сработали. А военный «гений» Тухачевский ещё
высмеивал партизанско-диверсионные методы работы. Под-
ловато это мол, и для передовой армии недопустим подоб-
ный бандитизм в тылу противника. Но не дал ему усатый
стратег возможности увидеть, что будут творить «передовые
армии» во Вторую мировую. Не дал и танков «картонных»
понастроить, а вот диверсантиков поддержал. В результате

⁵ ОГПУ – Объединённое Государственное Политическое Управление.

⁶ РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

к 1939 году в каждой дивизии на западном направлении их уже по полсотни да имелось.

Правда в данном случае они свои навыки против государства, так старательно их обучившего воинскому искусству, и повернули.

Ну что ж, бывает и на старуху проруха. Может они и право моральное имеют. Не все же здесь заслуженно сидят, под карающий меч революции угодившие. Я вот, бедняжечка, как кур в ошип попал, ни за что, ни про что, – Иван снова остро прочувствовал свою ситуацию и уже иным взглядом обшарил фигуру организатора блестящего переворота в этой тьмутаракани. – Какой он старик! Ему от силы полтинник. Лицо изрезано морщинами и тело не пышет здоровьем? Так на то и полярные ветра с жуткими холодами, чтобы высасывать из человека жизненные соки при столь скудном питании и каторжной работе. Покатай брёвна денек на разгрузке или уголёк покидай совковой лопатой, так никакой фитнес не нужен будет. За неделю от излишка жировых отложений избавишься. А уже через месячишко организм и за мышечную ткань незаметно возьмется.

Так что, вполне ещё крепкий здоровьем командир у данной группы смельчаков. При полноценном рационе быстро придёт в соответствующую норму. Настоящий командор нарисуетя, способный повести за собой хоть через бушующий Атлантический океан, хоть через безбрежное море тайги.

Теперь о морально-волевых нашего Командора... Впро-

чем, с волевыми качествами полный порядок. Хладнокровен, уверен в себе, дальновиден и тому подобное. С моральными определиться сложнее. Пуд соли нужно съесть с человеком, чтобы хоть чуть-чуть начать в нём разбираться. А тут... Судя по осанке, скорее всего, дворянин. Возможно, потомственный военный. В революционном семнадцатом ему было около тридцати лет. Может ещё императору присягу давал. На балах мазурку с барышнями отплясывал. Короче, царский офицер с понятиями чести. Вполне вероятно, что красное революционное знамя над нашим составом сменит бело-жёлто-чёрное императорское полотнище. Ну, или триколор с двуглавым орлом...

Ой, да что я несу? – оборвал себя Иван, – как будто среди дворян дерьма мало было. И своих чикали без стеснения, а уж чернь и подавно за людей не считали. Вон, нынешние князьки, ещё грязь не отсохла, а уже простой люд в упор не видят. И это в лучшем случае...»

– Филиппов! Техников – в штабной вагон. Этого привлечь к хозработам, – палец командира повстанцев небрежно вычленил Ивана из общей группы лагерников. – Остальных – в общий вагон. Группе обмундироваться, принять пищу и отдыхать. Можете выполнять.

Тон спокойный, деловой, почти безразличный. Человек профессионально выполнял свою работу.

Длинноногий верзила подтвердил усвоение приказа воинским «слушаюсь!» и жестом указал подбежавшим дивер-

сантам на объекты применения приказа, благо, они всё прекрасно слышали. Машинист и помощник машиниста, коих командир отряда по военному именовал техниками, хмуро двинулись в сторону штабной теплушки. У машиниста под глазом имелось характерное покраснение, обещающее вскорости перерасти в полноценный синяк – видать, бедняга, не сразу врубился в ситуацию и оказал сопротивление новой власти. Хотя какое там «оказал», в данном случае правильнее употребить выражение «попытался оказать». Вот только момент захвата паровозной кабины Иван прохлопал и ушами, и глазами. Немудрено – слишком уж много захватывающих событий свершилось в столь короткий промежуток времени.

Толчок приклада в спину заставил его серьёзнее взглянуть на жизнь и задуматься о своем будущем, а не о трансформациях травмы машиниста. Он скоренько потопал в направлении столь оригинально указанном человеком с ружьём. К тому же, застывшее от неподвижности, тело всюду завопило от пронизывающего холода, который до сей секунды блокировался азартом от просмотра столь захватывающего «видеоролика».

Штабной вагон представлял собой обыкновенную теплушку, так сказать, повышенной комфортности. В чём она заключалась? Во-первых, в откатывающуюся огромную дверь было врезано стандартное дверное полотно на навесах, плотно утеплённое кусками старых телогреек. Во-вторых,

меньшая часть вагона, около трети, была отделена от жилой дощатой перегородкой с маленькой дверью и огромным амбарным замком на ней. В-третьих, помещение освещали целых две керосиновые лампы, висевшие на металлических проводах. Ну и самое основное – топливо здесь не сэкономили, а потому буржуйка щедро источала жар всем своим родным телом.

Пока Иван оглядывался по сторонам, пятеро волкодавов шустренько перетряхнули нары и выгребли из вещевых мешков солдатиков тёплое нижнее бельё и чистые гимнастерки. Переодевались тут же, не стесняясь. Да и кого стесняться – двоих оставшихся в живых вохровцев, которые сидели у стены с лицами блее альпийского снега? Или чумазых машинистов, составивших им печальную компанию? Или начальника состава со связанными за спиной руками и кровоподтёком на левой скуле? Нет, их без внимания не оставляли – Иван то и дело ловил скользящие взгляды ответственных за охрану пленных. Их не опасались – просто наблюдали в целях предупреждения всяческих недоразумений, контролировали по укоренившейся привычке. Скоро, но тщательно переодевшись, диверсанты заставили охранников снять обмундирование, кинув им свои старые шмотки. Аккуратно сложили запасные комплекты белья вдоль стены и, прихватив с собой по увесистому куску хлеба и по банке тушёнки, забрались на нары. Что Ивана несколько поразило, так это полное отсутствие трепотни. Лишь в процессе подгонки фор-

мы изредка проскакивали утилитарные фразы: «мне мало-вата, махнёмся?», «пуговица болтается, укрепи», «всё нормально». Ни эйфории от успешного захвата поезда, ни радости от возможности утолить голод. Ребята отлично понимали, что сделанное – сущий пустяк по сравнению с тем, что им ещё предстоит совершить на пути к свободе.

Позади Ивана открылась дверь и в вагон заскочили еще пятеро человек, включая командира. В руках у четверых имелись заплечные мешки, кроме собственных за спиной. Новенькие были не столь ловки, но зато в их глазах явно читалось высшее образование плюс большой опыт руководящей работы. Они представляли, скорее всего, старший командный состав РККА, попавший под репрессивный каток тридцатых годов.

«Эти в захвате не участвовали – не оперативный состав. Их грамотно оставили в вагоне, что бы не мешались под ногами, – пронеслось в голове Ивана. – Если я не ошибаюсь, в отряде десять человек. Ведь один боец, как минимум, остался снаружи нести караульную службу. Итого, имеем две классические пятерки плюс командир отряда. Да, с этими ребятами надо непременно подружиться. Это единственный реальный шанс вырваться из неволи, сколь неожиданной и столь незаслуженной. Пожалуй, у них есть всё возможное для побега. Успешного побега».

– Ефимов! Вохровцев в общий вагон. Через час обеспечить отряд горячим питанием. Лебедев! Организовать ком-

плектацию группы продуктами и снаряжением, – прозвучали краткие приказы вновь прибывшим участникам побега. Похоже для Командора здесь никаких чинов не существовало. Это было вполне объяснимо, ведь и успех и поражение восставшим против системы предстояло делить поровну, не считаясь с рангом.

Ивана молча тронул за рукав один из офицеров, интеллигентного вида полноватый человек с забавными очками-велосипедом на крупном породистом носу, и знаком приказал следовать за ним.

Подошли к запертой двери. Открыли, раритетный для Ивана, а для остальных вполне обыденный, замок ключом, который выдал начальник состава, наверняка охотно и с глубочайшим почтением. Вошли и осветили помещение лампой. Вдоль одной стены – грубо сколоченные полки. На них ящики и мешки с продуктами. Вдоль другой – бочки, опять ящики, строительный инструмент. Классическая кладовка.

– Товарищ, ваша задача – аккуратненько вскрыть тару и укомплектовать эти мешки согласно моим указаниям, – вежливо изложил суть дела новоявленный завхоз, доставая из внутреннего кармана телогрейки огрызок карандаша и замусоленный блокнотик.

Иван заприметил на полке сподручный топорик и, не мешкая, стал выполнять просьбу-приказ очкарика.

Это была настоящая пещера Али-Бабы. Пещера сокровищ, за которую любой узник Гулага отдал бы мешки брил-

лиантов и ящички золотых слитков, если бы, конечно, обладал ими. Однозначно, это был рай лагерного гурмана. В мешках хранились ржаная мука, колотый сахар, различные крупы. В ящиках – тушёнка, солёное сало, чай, соль, сушёные овощи. Даже сгущёнка имелась в наличии! В бочках плотненько улеглась жирная сельдь. Обнаружилось несколько фляг с растительным маслом и, что порядком удивило Ивана, скромно стоящие в отдалённом углу шесть ящичков водки.

Кормили зеков! И кормили соответственно труду и климатическим условиям. Лживые рассказы либералов в мутные перестроечные годы о стопятьсот миллионов загубленных голодом и пострелянных заключённых ГУЛАГа стоят столько же, сколько их никчёмная совесть. Много ли работает зек-доходяга на таком ветру и морозе? Неделю – другую пошаркает по мёрзлой тундре и в отвал. «Так новых-то навезут!» – злорадно завизжит псевдоборец за общечеловеческие ценности. Во-первых, из Красноярска их ещё доставить надо при четырех-то месяцах навигации по Енисею. Порт Дунинка только-только в начале июня ото льда освобождается, а уже в начале октября снова закрывается для речного судоходства. Во-вторых, за повышенную смертность могут не только поста лишить, а и ватник лагерный выдать поносить. Люди – ведь это тоже ресурс, а за нецелевое использование государственного ресурса или его бестолковую растрату могут и спросить со всей партийной строго-

стью. И, в-третьих, сроки. Поставлены жёсткие сроки сдачи в эксплуатацию этой северной железной дороги. Для строительства Норильского комбината крайне необходимы различные стройматериалы, поэтому поначалу об экономии материальных средств никто особо и не думал. Наоборот, некоторые товарищи допускали вопиющую небрежность в их использовании. Ну да такие «товарищи» моментально становились «гражданами». Чего там далеко ходить, читаем выписку из Приказа по Норильскому строительству и исправительно-трудовому лагерю НКВД⁷ СССР №78 от 10 февраля 1938 года, любезно рассекреченному КГБ в период гласности и перестройки: «выявлены перерасход на несколько миллионов рублей государственных средств; завоз явно непригодного и неоднотипного верхнего строения железнодорожного пути; отклонение от проектов в строительстве искусственных сооружений; укладка пути в зимний период, нерациональное использование рабочей силы; подбор кадров преимущественно из лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность; и т. п. На основании вышеизложенного приказываю снять с работы начальника железнодорожного отделения Аппаровича Петра Флориановича... Материалы о вредительской деятельности на железнодорожном строительстве передать следственным органам для привлечения к уголовной ответственности...»

Может и правда Аппарович несколько шиканул за госсчет?

⁷ НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел.

Водочка уж явно лишняя в таких условиях. Завоз её даже вредительством пахнет. Пить сорокоградусную «для сугрева» Иван даже врагу заклятому не посоветовал бы. Нет, она, конечно, сосудики расширит резво, поэтому возникнет ощущение тепла и комфорта. Зато и потери внутренней энергии в окружающее пространство увеличатся в разы. К тому же, эффект эйфории закончится довольно быстро, а вот обморожение можно и проморгать. Применение этого зелья оправдано лишь в одном случае – это когда нужно согреть замерзшего члена экспедиции перед тем, как уложить его в уютный спальник. Вот тогда пятьдесят граммов теплой водки ему однозначно пойдут на пользу. Ну, ещё бывают экстренные ситуации, типа полыньё незамёрзшую проморгал. При таком форс-мажоре «укради да выпей». Вот только сомнения брали Ивана в том, что водка доставалась заключенным. Скорее всего, её не в меру употребляла охрана лагерной командировки, скрашивая себе серые будни длинной полярной ночи.

Но, отвечающий за хозяйственное обеспечение группы заговорщиков, не заинтересовался стратегическим запасом спиртного, а невозмутимо сделав соответствующие записи, разъяснил Ивану его работу. Была она проста и необременительна для сытого человека. Очкарик говорил, сколько и чего кидать в тот или иной заплечный мешок, что Иван и выполнял в полном соответствии с приказом. Правда, когда очередь дошла до сала, выдержка покинула изголодавшегося-

ся неозека и он, топориком отхватив приличный кусок, сунул его в рот и принялся энергично жевать. Завхоз снисходительно отнесся к такому наглому воровству вверенного ему имущества и даже сам в нём посильно поучаствовал, что впрочем никак не сказалось на скорости выполнения поставленной перед ними задачи. Общее принятие пищи проявило свою сакральность и отношения между начальником и подчиненным заметно потеплели. Выразилось это в том, что завхоз равнодушно проигнорировал присвоение Иваном пары коробков спичек и иных незначительных мелочей. А вот попытку сформировать свой полноценный походный мешок пресёк жестко и на корню.

– Отставить! Приоритетом является строгое выполнение приказа! – лицо ответственного офицера стало строгим, каменным. Трудно понять, за что ему впаяли лагерный срок, но уж точно не за разгильдяйство и мягкотелость. – Выполним поставленную задачу, тогда и отоваришься. Если командир разрешит. – Уже спокойнее добавил он.

Впрочем, управились они довольно быстро. Чего бы и не управиться – всего тринадцать мешков. Каждый около пятнадцати килограммов. В основном загрузили тушёнку, сахар, сало. Загрузили ворохом, не укладывая – каждый владелец рюкзака уложит груз по своему усмотрению.

Жилая часть вагона благоухала густым ароматом каши и тушёного мяса. Пятерка бойцов основательно подкреплялась перед предстоящим маршем. Другая отсыпалась на на-

рах. Солдат и зек устроены одинаково и руководствуются единым принципом: «солдат спит – служба идёт».

У стола сидел командир и, хотя перед ним стояла такая же обыкновенная алюминиевая миска, наполненная мешанкой, создавалось ощущение, что поедает он стерляжью уху из саксонского фарфора. Неторопливо, даже несколько вальяжно, офицер пережёвывал пищу, словно впереди предстоял не марш-бросок по заснеженной тундре, а вечерняя партия в преферанс. Хотя, возможно, у Командора были проблемы с зубами – вряд ли в приполярных лагерях имелись высококлассные протезисты. Более вероятно, такого слова здесь отродясь не слыхивали.

Завхоз подошел к командиру. Доложился. Тот кивнул и молча продолжил свою трапезу. Иван перетаскал мешки из кладовки и был благодарен очкастому, что оный подрядил в помощь машинистов. Иван бы и один справился, но ничем так от души не делишься, как работой. Расставив мешки в ряд, вопросительно взглянул на завхоза. Получив утвердительный кивок, рванул в манящие закрома.

«Так. Теперь главное не суетиться и ничего не упустить. Если ты и решил с этими орлами свалить с зоны, то всё равно рассчитывать должен только сам на себя. Так будет надежнее для тебя и полезнее для отряда. Это не поход выходного дня в пригородный лесочек. Это Заполярье. Малейшая ошибка в подготовке может стать роковой».

Первым делом Иван соорудил самопальный рюкзак. Де-

лается это элементарно. Сыпанул крупы на дно простого льняного мешка и завязал на его уголках узлы кожаным ремешком, присмотренным заранее. Крупа, попавшая в углы, не даст соскочить узлам с мешка при любой нагрузке.

«Так. Это дело сделано. Теперь продукты. Вспоминай, чему тебя давным-давно учили на курсах инструкторов туризма. Данный побег точно можно приравнять к зимнему походу в жестких климатических условиях. Какое там рекомендуется соотношение белков, жиров и углеводов? Вроде бы один-три-пять? Что у нас тут из белков? Мясные консервы «Говядина тушёная». А, пожалуй, и всё. Как говорится, ассортимент местной забегаловки крайне ограничен. Хотя благодарствуйте Наркомторгу и за это. Спасибо, что в производстве данного продукта использует только чистую говядину, выдержанную сорок восемь часов после убоя. Честно блюдёт высокие дореволюционные стандарты, заложенные ещё при царе-батюшке.

Далее жиры. Здесь всё просто и однозначно. Свиное солёное сало. Куда уж жирнее. И что самое главное, в ста грамах этой вкусняшки более восьмисот килокалорий энергии. А уж она-то в походе сжигается... Берём, несомненно берём. Шкурку быстренько срубим топориком – тащить лишнюю тяжесть нет никакого желания, не верблюд всё-таки. А завернем мы шпик в куски марли, щедро переложив лавровым листом. Весит он как пушинка, а вещь нужная.

Из углеводов, несомненно, сахар. На единицу веса он ли-

дер по объему углеводов среди представленных продуктов питания. И что самое важное в походе, легкоусвояемых. Да и калорий в нём немерено. Больших калорий. Чудный сахарок, колотый, нерафинированный, с естественным жёлтоватым оттенком. Мне такой в раннем детстве еще довелось попробовать.

Сгущёнка! Это, воистину, чудный продукт. Вот только тяжеловат, но брать надо. Там и углеводы, и жиры, и микроэлементы. Влага дает излишний вес, зато на переходе иногда её в ином виде и не получишь.

Теперь – соль. Куда ж без неё родимой. Теряет организм соль в переходах, а восполнить то и нечем. И самое главное – она непревзойденный консервант. В мешок её.

Макароны не берем. Не унести мне столько... Вот сухари, пожалуй, надо положить – невелика тяжесть. Да и как без хлеба-то жить...

Сушёные овощи, конечно, сверху. Легкие они. И были бы бестолковыми, если бы не являлись единственным носителем витамина С в данной кладовочке. А без этого витаминчика цинга быстро примется разрушать организм в белой замерзшей стране с полным отсутствием даже намека на апельсины и иную живительную зелень. Эх, много я отдал бы сейчас за пачку мультивитаминного комплекса. Где ты, цивилизация? Ау!»

Иван уже давно скинул телогрейку, ибо боялся вопресть от столь спешной и ответственной укладки снаряжения. Он

понимал – упусти какую-либо мелочь и её уже не поправишь. Просто не будет такой возможности. Нет продмагов в тундре. Не понастроили, понимаешь.

«Так. Перейдём к промтоварному отделу. В наличии имеется теплое нижние бельё... спасибо завхозу – не всё своим орлам забрал. Берём пару комплектов... не ошибиться бы размером... А спички мы плотно завернём в промасленную бумагу... Вау! Стеариновые свечи! Вещь, безусловно, нужная, ведь ни фонариком, ни сухим спиртом здесь не разживёшься... Бухточка тонкой, но прочной конопляной верёвки... Топорик сверху приспособить. Такую вещь лучше под рукой держать... Унесу ли я столько? Вроде подъёмный...»

– Эй, товарищ! Ты что, весь склад решил в мешок затарить? – в проёме двери обозначился рослый боец при полном зимнем обмундировании.

– Не... Весь не буду. Исключительно половину, – недовольно пробурчал Иван, с великим сожалением прерывая лихорадочный процесс разграбления сокровищницы.

В тёплом помещении довольный мародёр узрел сюрреалистическую картину: циничное спаивание начальника состава. Держа в руках краюху хлеба, щедро покрытую толстым слоем тушёнки, начальник употреблял сорокоградусную. Наверное, впервые в жизни делал он это не по своей воле и, поэтому, шла водочка в глотку тоскливо, колом шла. Осилив половину алюминиевой кружки, бедолага поперхнулся и закашлялся. Зажевал кусок бутерброда и жалоб-

но посмотрел по сторонам. Ответом ему был непреклонный взгляд стоящего рядом громалы. «Надо, дядя, надо». Дядя с тяжким вздохом приступил ко второй порции, а потом долго занюхивал спиртное рукавом телогрейки.

«Ну чего ты расстрадался, притворщик. И с альдегидами, и с сивушными маслами, и с эфирами при товарище Сталине борются не менее жёстко, чем с гидрой контрреволюции. Ты, дорогой мой товарищ, андроповскую беленькую не пивал. Вот это гадость. А тут благородный напиток из первого сорта пшеничного зерна. Да уж, не ценит здешний народ своего счастья. И чего начальник так погрустнел? Может его после третьей на расстрел поведут?»

– Достаточно, – прозвучал голос командира, так и оставшегося в потёртой фуфайке. – Филиппов! Начальника – в общий вагон. Заключенным – отгрузить два ящика водки и два ящика тушёнки. В женский вагон тоже пару ящиков консервов доставьте. Выполнять!

«Вот это класс! Это самый оригинальный вид диверсии! Выкачав всю необходимую информацию, командир диверсантов тупо напоил отработанный материал. Ну не убивать же начальничка, в самом-то деле? Тут таких свидетелей больше сотни душ наберётся. А так, начсостава теперь отойдет от опьянения не раньше, чем через десяток часов. Зеки тоже возрадуются и употребят свою дозу. Ни о каком передвижении на зимней стуже в таком состоянии и мыслей ни у кого не возникнет. А группа беглецов за это время не один

десяток километров по тундре отмахает. Конгениальное решение всех тактических проблем придумал товарищ гроссмейстер. Отличный ход конем!

Вот только повторит эту забаву какой-то немецкий военачальник в далекие, да нет, теперь для меня в скорые, сороковые-кровавые. Покидая железнодорожный узел моего провинциального городка, оставит он трофеем парочку цистерн пищевого спирта. Простодушные солдатики радостно обмывают победу и многие заснут навсегда, а редкие счастливицы серьёзное отравление получают – разбодяжат немчики спирт отравой. Перейдет станция по новой в фашистские руки. Вот так фарс превратится в трагедию».

Ивану опять пришлось поучаствовать в грузоперевозках в качестве тягловой силы. В конце концов, доставили ящики и пьяненького начальника по назначению. Иван не переживал за его судьбу – никто прораба узкоколейки в вагоне даже пальцем не тронет. Да и охранников тоже, так как каждый каторжанин четко понимает, что через определённое время окажется тет-а-тет с дотошным следователем-дознавателем в неудобном служебном кабинете. И там, охотно и без принуждения, расскажет всё, как было, не утаивая ни одной детали, ибо при таком количестве свидетелей любая ложь в лишние пять лет заключения выльется влёгкую.

В штабном вагоне шли последние приготовления к побегу. Участники предстоящего маршрута по тылам недавно горячо любимой Родины, а теперь уже вероятного противника,

в крайний раз подгоняли вещевые мешки и одежду. Пользуясь суетой, Иван, не стесняясь, подобрал парочку теплых портянок и запасные валенки. Ну и ёще по мелочам прибрахлился. Навернул от души миску ароматной питательной каши. Чайку вдоволь напился из чьей-то кружки, когда ёще придётся, кто ведаёт? Наконец бойцы завершили все приготовления к столь серьёзному переходу. Присели на дорожку, по старому русскому обычаю, имеющему сугубо прикладное значение – собраться с мыслями, вспомнить всё ли взято, всё ли сделано. Помолчали.

– Ну ладно, друзья. С Богом, – мягко, как-то не по уставу, вымолвил Командор. Но потом продолжил уже стальным голосом: – Филиппов! Ваша пятерка первая. В центре – машинисты.

«Понятно, почему рюкзаков тринадцать, – до Ивана стала доходить и эта рокировочка командира. – Машинистов он забирает с собой, назад состав вести будет некому. И насколько он застрянет среди столь „симпатичного“ ландшафта? Как скоро его занесёт снегом по самые крыши вагонов? Нет, здесь оставаться явно не айс. Пожалуй, самое время проситься на борт уходящего судна».

– Товарищ командир, разрешите обратиться?

– Слушаю вас. Только коротко.

– Разрешите идти с вами. Я экипирован. Здоров. Разбираюсь в технике сложных переходов...

– В каких войсках служили? – перебил его офицер.

«Чего отвечать-то военному? Ляпни я сейчас „Псковская десантно-штурмовая дивизия, спортрота“, посмотрит как на сумасшедшего. А начни выдумывать – уличит во лжи уже на втором слове. Я ж ни ухом, ни рылом: что тут, где тут и кто тут...»

Пока эти мысли лихорадочно толпились в черепной коробке Ивана, офицер по своему расценил паузу и вынес приговор:

– Нет. Взять не могу, – повернулся и пошёл за своим отрядом.

«Бежать следом и умолять не бросать малыша в таком нехорошем месте с такими плохими дядями? Никакого нет смысла в подобных унижениях, да и гонор не позволяет. Тем паче, прикрывать спину командира встал на тропу такой жилистый громила, что и близко подойти к опекаемому не позволит. Ишь как глазищами зыркает. Аки волк полярный, одно только, клыки не скалит».

– Эх, так вот ты какая машинка губозакаточная! – процедил Иван вслед уходящим в снежную круговерть беглецам. – Скатертью, вам, хлопцы, дорога.

Глава 3

Хлопоты

*Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага.
Китайская мудрость*

«Что ж делать-то мне теперь? Как жизнь горемычную обу-страивать в этом суровом негостеприимном прошлом?» – невесёлые вопросы вставали в полный рост пред невольным путешественником во времени. Было от чего впасть в уныние. – На пересмотр моего дела надеяться не приходится – благо историю сталинских репрессий я знаю неплохо. К тому же, политическим заключённым сокращение срока в Норлаге не полагалось. А ведь впереди война. Условия содержания, по понятным причинам, резко ухудшатся. Нормы выработки, наоборот, возрастут. «Всё для фронта, всё для победы». И ведь не поспоришь! Даже если я и дотяну до окончания срока, на выходе добавят ещё пятёрочку – надо ж кому-то никель добывать. Или на поселение определят, что невелика разница. Допустим, мне даже паспорт выдадут и что? Куда дёрнешься, если в нём красуется отметка ограничения места жительства размерами с город Норильск? Лишь в далёком пятьдесят третьем светит амнистия. Эх, жизнь –

индейка, судьба – копейка...»

Может и смирился бы Иван со своим положением, но одно дело – возводить гигант индустрии для страны, своего народа, и совсем другое – вкалывать заключенным на строительстве комбината, который, в свое время, будет принадлежать человеку, тратящему прибыль на приобретение иностранных спортивных команд. А чинуши предстоящей контрреволюции наварят баснословные барыши с этой, возведенной такими потом и кровью, экономической мощи, да по забугорным банкам распахают. Дойдёт до того, что собачек своих на личных лайнерах по разным выставкам в турне отправлять удумают. Нет, четкое знание такого будущего никак не позволяло Ивану принять как непреклонную данность подобную жизненную перспективу.

Но и рвануть в одиночку покорять столь суровые неведомые земли наш горемыка был не готов. Слишком хорошо он знал географию своей страны с её немислимыми расстояниями, представлял, что такое поход по тундре в данное время года. Без палатки, саней, компаса, карты... Безнадёга полная. А ещё Иван понимал, что искать беглеца будут профи с большим стажем подобных мероприятий. Одна ошибка и «здравствуй уютный барак и жидкая похлёбка». Это если доведут до барака. А то могут и полениться.

«Ладно, для начала пойду хоть вагон открою. Конечно, зеки поутру выход топорами прорубяют, но тогда и мне в табло прилетит за нерасторопность. А так, может ещё кого на побег

подобью. Хотя стрёмно это – чужак кинет не задумываясь», – Иван и не заметил, как перешёл на полублатной жаргон, стал вживаться в новую реальность.

Что поделаешь, обстановка во многом определяет поведение человека и его сленг. Одно дело, когда ты в компании небритых мужиков, весь в масле и грязи под машиной с разбитой подвеской ковыряешься, и совсем иное, если по музейной галерее с утончённой интеллигенточкой дефилируешь.

«Бог ты мой! Ведь паровоз-то на воде работает! Не думаю, что машинистам предоставили возможность слить её из системы. А замёрзнет вода – лопнет котёл. И тогда придётся шлёпать пешком по морозу, даже если машинисты и вернуться. Неприятно это и здоровью никак не на пользу, чай не май месяц, а буржуйку под мышкой не унесёшь. В довесок к подобным мелким неприятностям неотвратимое дознание может и сознательную диверсию пришить. С настоящих диверсантов когда спросишь. Их ещё поймать надо. А тут, пожалуйста, готовый козёл отпущения. И к гадалке не ходи, на меня всё свалят, как на того пресловутого таракана»⁸.

Иван, что есть духу, потрусил к паровозу, даже мешок забыл впопыхах с плеч сбросить. А вот перед железной лестницей догадался, снял и закинул за колесо локомотива.

⁸ В сказке Мамина-Сибиряка «Притча о Молочке, овсяной Кашке и сером котике Мурке» Таракан панически опасался, что в выпитом котом молоке обвинят именно его.

Споро забрался в будку машиниста – тесное тёмное пространство размерами два на два метра. Ринулся к топке. После нескольких неудачных попыток сумел всё-таки открыть дверцу. К счастью, под слоем остывшего шлака ещё подмигивали огоньки догорающего угля. Успел! Иван зажёл спичку и огляделся. Нашел сигнальный керосиновый фонарь и уже более тщательно обследовал помещение. Отыскал ящик с углём, прикрытый старой рваной телогрейкой, похоже его и как лежанку использовали. Для растопки разломал на куски контейнер и уже вскорости паровозная топка загудела мощным пламенем окаменелой органики периода палеозоя.

– И кочегары мы, и плотники. И сожалений горьких нет... – самодовольно пропел Иван, с наслаждением ощущая могучий вал тепла.

Лежала у него в шкафу трудовая книжка с единственной записью: «принят на работу в должности кочегара». А дело было так. Напротив общаги, где в бытность студентом проживал будущий строитель узкоколейки, стояло административное здание какой-то конторы. Отапливалось оно отдельной кочегаркой. С рабочей силой в те далёкие времена дела обстояли диаметрально противоположенные, чем при нынешнем капитализме – не хватало силы этой. Вот начальник кочегарки и повадился зачислять в штат студентов. Чему последние были очень рады. Смены ночные, одна вахта через двое суток. Зарплата приличная – почти червонец за сме-

ну. Многие разово подменяли товарищей, когда стипендия неожиданно заканчивалась после очередного сабантуя. Правда, работу кочегара лёгкой не назовёшь. Трудовым был тот советский рубль, честно заработанным.

Иван помнил пыльное помещение, гудящие вентиляторы наддува. Будильник, который звенел через каждые два часа. В полусне закинутые в почти потухшую топку десятков лопат грязного угля. Мгновенное засыпание, лишь тело касалось твердой лежанки. И целый день пустая голова и ноющее тело. Какие уж тут знания? Единственное желание залезть в чистую мягкую кровать и спать, спать, спать...

Через несколько лет, когда молодым специалистом Иван устраивался на своё первое место работы, мать настояла завести новую трудовую книжку. Мол, непрестижно человеку с высшим образованием такую запись в трудовой иметь. Иван послушался и после окончания института получил новую, но ту первую книжку бережно хранил.

А вот симбиоз студентов и начальника кочегарки закончился очень конфузливо, можно даже сказать забавно. Случилось это суровой январской ночью. Очередной студентуус слегка не рассчитал свои силы и вступил на трудовую вахту сильно навеселе. Как случилось дальнейшая неприглядность, история умалчивает, но, вероятнее всего, на очередной звонок будильника, молодой кочегар прошептал «ещё одну минуточку...» Прошла минуточка. Другая. Несколько часов. Короче, вся система здания оказалась разморожена.

Чугунные радиаторы не вынесли такого холодного отношения к себе и от гнева потрескались. Начальник кочегарки носился, как ошпаренный, вспоминая все нецензурные выражения, которые слышал в своей немалой жизни. Директор прикидывал убытки и в душе радовался, что товарищ Берия уже давно покоится с миром и не сверкнёт своим холодным пенсне. Апофеозом случившегося стала визжащая главный бухгалтер организации, у которой замёрзли все рыбки в аквариуме. В итоге, со студентами безжалостно были порваны все отношения.

«Ладно, пора арестантиков на свободу выпускать. Здесь вроде всё нормалёк. Уголька я не так уж и много накидал – котёл не взорвётся. С приборами попробую потом разобраться. А может кто из зеков в паровозных делах понимает? Тогда я вообще со своих плеч этот неблагодарный груз сброшу. Да по-любому, пусть у начальника состава голова болит. Хотя она у него и так болеть будет – это ж сколько водки за один присест употребить! Стоп! А это что?..»

У стенки был прислонён лист оцинковки стандартных размеров два метра на метр. Для каких целей машинист сюда её приволок? Может для паровоза какой девайс планировал создать? А может для своего личного хозяйства заныкал дефицитный, хоть и несколько помятый товар? Однако Ивана это никоим образом не волновало – в его голове сверкнула молнией гениальная мысль: «Волокуши! Из листа жести можно сделать отличные волокуши! А вот с ними, пожалуй,

я рискну и в одиночку. Будет тяжело и физически, и психологически, но это реально! На изготовление чудо-санок мне полчаса вполне достаточно. Зекам тепло и, должно быть, ещё весело. Подождут. Чай не дети малые, родителями бестолковыми без присмотра брошенные.»

В голове генерировался стройный план технологических действий по постройке средства грузовых перевозок.

«Итак, прорубаем четыре угловых просечки, благо у машинистов инструмент в наличии. Минутное дело. Теперь боковые бортики сантиметров по двадцать, не меньше. Иначе груз вываливаться будет да и снега начерпаешь. Аналогично мастерим задний борт. Передний загнём под углом двадцать-тридцать градусов. Больше не надо, иначе снег будет собираться валиком и тормозить движение. Пробиваем спереди пару дырок для тягловой верёвки. Чтобы лист не корбило, верёвку закрепим на вот этом бруске. Благо размер подходит. Всё? Пожалуй нет. Коробить будет дно повозки на неровностях. Да, и трение о снег великовато – упарюсь этакий груз тащить».

Но и данная проблема была успешно решена. Инструмент у машинистов был хорошо заточен, а материала хватало, потому работа спорилась. Из двух досок сделал подобие лыж и положил их под волокушу. Сверху гвоздям сшил с лыжами четыре поперечных дощечки. Получилась довольно жёсткая конструкция. Иван хоть и не вложил в определённый для постройки срок, но не жалел потраченного времени – эти

лишние двадцать минут сэкономят ему многие часы и километры.

«И последнее... дырки по бортикам. Через них верёвками груз и закрепим, а то уронишь что ненароком, вовремя не углядишь – беда. Оставшуюся пару полутораметровых досок прихватчу с собой. Благо сухие, лёгкие. И ножовку тоже. Ну, вроде всё, готово транспортное средство! Пора и теплушку разблокировать. Да и котомку свою надобно забрать, глядишь, бумаги какие найдутся. Может узнаю кто, что...»

Стучать в вагон пришлось долго. Видимо, узники замка на колёсах поез и вкусив горячительного, «трезво» порешили, что утро вечера мудренее да и завалились на боковую, радуясь неожиданному отгулу. Наконец дверь с характерным скрежетом отошла в сторону и Ивана быстро втащили вовнутрь. Нет, естественно, никто о нём таким образом заботу не проявил, просто старались сберечь те крохи тепла, что держались в вагоне. Но вот чего Иван никак не мог предвидеть, повели его напрямиком к блатному сообществу.

«Вот я дурак-то! Гуманизмом по башке в юности со всего маху ударенный! Выбрались бы каторжане на воздух и без моей трогательной заботы. А бумаги... Ну что я в документах контрика вычитал бы необычного? Что мне инфа о его судьбе могла предоставить? Свободу и возможность очутиться от этого места как можно подальше? Нет, естественно. А вот проблемы я себе, пожалуй, уже заимел. Исключительно благодаря аномальному приступу неуместного благо-

родства. Нет, к паровозу никто не пойдёт и мои запасы не найдёт, но глаз на меня уже положили. Нехороший глаз».

Что до необычайности Ивана поразило, так это абсолютная трезвость вагонного пахана и его ближайшего окружения. Хоть на вора в законе этот представитель преступного мира и не тянул, но видимо, к этому стремился и очень старался заработать сей высокий статус. Вероятно, местный авторитет по кличке Соболев предвидел, что по пробуждении начальник состава начнёт ошалело метать икру и пытаться сделать всё мыслимое и немыслимое, чтобы хоть как-то заглаживать свою вину перед вышестоящим начальством за позорную сдачу состава. Поэтому блатные хотели успеть реализовать открывшиеся возможности, пока руководство находится в тяжёлом алкогольном забытьё.

«Похоже над нашим эшелонном развернулось черное уголовное знамя», – совсем уж невесело констатировал ситуацию прибывший спасатель затворников.

– Мужик, почему так долго? Базарь. Да только дуру не гони.

– Ну, дык, как отпустили... С ними не поспоришь, стволом в спину тыкали...

Иван понимал, что не могли блатные точно знать, когда ушла группа – завывание ветра и расстояния заглушили звуки, способные дать эту информацию. Он не стал нарываться на неприятности и вынуждать пахана клещами тащить из себя каждое слово. Тем более, вопросы последнего предугады-

вались на раз. Спокойно, но без занудства, Иван вкратце обрисовал произошедшее – скорые сборы, краткие проводы. Разумеется, опустив то, что посторонним знать было ни к чему. Совсем уж дурачком не прикидывался, но и интеллектом не сверкал без надобности. С простака и спрос меньше, уточнят детали да и отпустят с миром. Но сегодня всё шло против планов Ивана.

– Ну веди, пацанчик. Покажешь что, где... – обронил Соболев, услышав всё, что хотел.

«Да что б вам водка палёная всегда попадалась, а из закуси только солёные ёжики!» – в сердцах мысленно возопил Иван, но спорить не стал, не видя в этом никакого смысла. Подхватил свою куцую котомку и снова шагнул в неприглядную зимнюю ночь.

В штабной теплушке ничего не изменилось, только поостыла заметно. Урки шустро и бесшумно, как крысы, обследовали кладовку и всё помещение. Собрались около буржуйки. Накатили по сто граммов водки. Чавкая и сплёвывая на пол, закусили тушёнкой и сухарями. Погоготали над начальником состава, который вместо тёплого штаба, вынужден валяться на грязных и холодных нарах. Один из блатных хотел разлить ещё по стаканам, но пахан его обрезал:

– Ша! Кто со мной в рывок – харе кирять. Прибарахлимся малёхо и рвём когти.

«Всё понятно. Эффект толпы. Политические сдёрнули и у этих загорелось. Может тоже почувствовали шанс, тот,

единственный, неповторимый. А может хотя бы авторитет в лагере поднять. Прошвырнутся по стоянкам вдоль дороги, куржась над вольнонаёмными. Это ведь не рельсы класть на мерзлую тундру. Возможно, даже выйдут на берег Енисея и там покурюлятся, оставляя после себя слёзы и кровь. Вот после подобных подвигов аборигены здешних мест и стали активно сдавать всех беглых каторжников орлам НКВД, не разбираясь ни в статьях, ни в политических окрасках. И эти в свой срок попадутся. Может кого и шлёпнет задубевший и озверевший в засаде вохровский заслон. Остальных отконвоируют в Дудинку, а в тюрьме они, как братец Кролик в терновом кусту».

– За контриками на лагпункт⁹ «Амбарная» рванём? Вёрст десять, не боле. Ясен пень, туда шуранули политические. Там есть чем поживиться. Всё добро они не унесут. А вертухаев эти орёлики точняк уделают, зуб даю, – затараторил какой-то весь дёрганный уголовник.

– Что, Суета, попрёшь на топоры? Там после шухера все на ушах стоять будут. И тебя, красавчика, поджидать, – заржал широкоплечий детина, закидывая в рот большой и жирный кусок селёдки. Сплюнул на пол попавшуюся косточку, сверкнув жёлтой фиксой, и начал сворачивать толстую самокрутку грязными пальцами.

– По железке ломанём обратно до соседнего поста. Там санки, харч... Может ненец с оленями. Еще парочку постов,

⁹ Лагпункт – пересылочный пункт в системе исправительно-трудовых лагерей.

и к Енисею, – спокойно обрисовал свою задумку Соболев.

«Да я часом телепатом не стал в довесок ко всему? – заволновался Иван. – Не, это уже бред голимый! Просто, что ещё могла удумать подобная гоп-компания. Их примитивная идеология ясна и понятна: „украден – выпил – в тюрьму““. А вот Командор умён. Разъезд он возьмет сходу. Ночь, внезапность, камуфляж. Его команду примут за вохровцев, конвоирующих группу заключённых. Дальше уже – дело техники. Трофеи диверсантам достанутся знатные: продукты, оружие, зимнее обмундирование. А главное, олени и сани, что вольнонаёмные используют для подвоза шпал и иных грузов на строительстве насыпи. Час-два для волкодавов Командора хватит на всё про всё, и вот уже отряд вырывается на оперативный простор. С такой снарягой сплоченная команда уйдёт ой как далеко, пока карательная машина наберёт обороты и грамотно организует погоню. А дальше уже, как фишка ляжет. Может и оторвутся беглецы... Теперь мне понятно, почему завхоз по минимуму питание брал...»

– Мужик. Поможешь жеванину в сидор покласть, – разрушил аналитику Ивана широкоплечий бандюган, вкручивая окурочек в жестяную банку-пепельницу.

– И с нами погребёшь, – твердо процедил Соболев. – А то слышал больно много. Иначе...

– Дык, у меня и мешка-то путного нет, – автоматом ушёл от ответа на оба предложения-приказа Иван. Знал он, как эта публика умеет ловить на слове.

– Да хапай любой, на который глаз ляжет. Я ныне щедрый, – ухмыльнулся атаман шайки.

«Нет, ну что за денёк? С кем хотел идти – отфутболили позорно, как мухомора на тропе грибника, а вот кого и видеть рядом с собой не хочу, силой в попутчики рекрутируют. Отправиться с такими в побег жаждет только лох наивный, непуганый. Блатарям ведь ишачок выносливый нужен, провиант нести. А в определённый момент оставят в чистом поле без куска хлеба в кармане. И это в лучшем случае. Могут в качестве „коровы“ и дальше тащить, пока изнуряемые голодом не дойдут до стадии каннибализма. История знает немало подобных случаев. Нет, с такими товарищами мне явно не по пути. Полярный волк им в товарищи».

Иван не стал разрушать своё амплуа недалёкого в развитии индивидуума и долго, бестолково сооружал себе заплечный мешок из подручных средств, полностью саботировав приказ блатного с жёлтой фиксой о помощи. Тот, наконец, не выдержал и замысловато матюгнувшись сам метнулся на склад, справедливо полагая, что друганы всё лакомое экспроприируют в первую очередь, а остатки, отнюдь, не всегда сладки. Иван наконец-то справился с «непосильной» задачей и прикинул возможность побега.

«Нет. Нереально. Вон, Суета, хоть и копается в какой-то коробке, но зыркает на меня неласково и вполне себе регулярно. Порошок какой-то алчно лизнул... Плюётся, умора... Видать думал, что кокаин ему заботливо припасли. Вмазать-

ся хотел, придурок. Ладно, его я, пожалуй, нейтрализую без шума и особых проблем, вот только сотоварищи последнего такого обращения с ним не поймут. А их вона сколько шумливо толкается, суя в свои торбы всё, что под руку попадётся. Ладно, посмотрю пока, что за порошок так Суете не понравился».

Иван наклонился и поднял брошенную уркой коробку. Понюхал порошок, прихватил несколько крупинок языком.

«Ну и кислятина! И горечи тоже в избытке. Что же это за эликсир неведомый? Ну-ка, ну-ка...»

Подгоняемый догадкой, сыпанул щепотку на раскалённую поверхность буржуйки и тут же узнаваемо запахло ацетилсалициловой кислотой. Ивану не раз приходилось использовать её в виде флюса, когда ни канифоли, ни раствора серной кислоты поблизости не было, а залудить поверхность какой-либо железяки никак не получалось. Вот тогда и приходилось тыкать паяльником в кругляш таблетки аспирина.

«Это противостудные порошки! Помню, помню. Обладают жаропонижающим, болеутоляющим и противовоспалительными свойствами. Застал я ещё подобное зелье на излёте советской власти. Смешные пакетики. „Антигриппином“ мы их кликали, хотя от гриппа они, естественно, не спасали. Но симптоматику снижали, спору нет. Вот повезло! И как их диверсанты не реквизируют? Может просто не заметили? Впрочем, им хватило всего с избытком».

Иван ловко сунул пакетики себе в карман. Туда же после-

довали бурые кристаллы марганцовки в пузырьке, запечатанном пробкой. Из остальных лекарств взять ничего не решился – слишком неизвестными оказались надписи на латинице. Лишь уважил своим вниманием маленькую стеклянную баночку с тщательно притёртой крышкой, предварительно вылив её содержимое.

Пошарив по куче вываленного с нар барахла, прихватил моток дратвы и шило. Там же отыскал бобину суровых ниток. Вещи нужные. Можно сказать, крайне важные не только в походе, но и в вагонных странствиях, ведь по такой железке поезд может и на неделю застрять посреди безжизненной тундры. Не мудрено, что в штабном вагоне были необходимые запасы всякой ширпотребовской мелочёвки.

Но больше всего порадовала Ивана парочка тщательно свёрнутых оленьих шкур, найденных под нарами. Ценность, для беглеца, решившего потягаться с зимней тундрой, эта находка представляла невероятную. Натуральный мех – наилучшая защита от холода. Это обусловлено тем, что внутри каждого волоска оленьей шерсти имеется воздушная полость. Волоски эти расположены на шкуре очень плотно и являются идеальной теплоизоляцией. По крайней мере, природного меха с более высокими теплосберегающими свойствами навряд ли возможно встретить в нашей природе. Не зря аборигены Севера шьют из него одежду, используют в качестве одеял, покрывают им стены своих юрт.

«Хорошую сделку с кем-то провернул начальник состава»

ва. Пожалуй, выменял шкуры у местных оленеводов. Может водкой расплатился. Или мукой...» – оценил предприимчивость чиновника уже опытный мародёр.

– Молодчага, фраерок! Справную вещь надыбал, стало быть сам её и потащишь, – поощрил добытчика улыбающийся Соболев, покинувший многострадальную кладовку.

«Ага, всю жизнь мечтал бессловесным кули¹⁰ у бандюганов подрабатывать, – мрачно усмехнулся про себя Иван. – Не, дядя, у меня несколько иные планы на ближайшее будущее и про „горбатиться на шайку уголовников“ в них нет ни единой графы».

Когда, довольные щедрой добычей, урки решили почаёвничать, дошла очередь и до Ивана загрузиться провиантом. Этот процесс был им уже просчитан и отработан, соответственно, много времени не занял. Его лишь смутили некое дежавю да дикий беспорядок, который оставили после себя зеки на когда-то довольно приличном складе.

Придерживаясь пропорций, загрузил новый мешок, добавив в походный список бутылку водки. Хотел и масла льняного прихватить в дорогу, хотя бы пол-литра, но здраво рассудил: «Не жадничай. Пустая стеклянная бутылка имеет массу порядка четыреста граммов. Масло – продукт крайне полезный, но бестолковую стекляшку на своем горбу та-

¹⁰ Кули – (индийск. *Koli*) низшая каста в Западной Индии. Грузчик, носильщик, возчик, чернорабочий в Индии, Японии, Китае, Индонезии, получающий мизерную плату за свой труд.

щить не один день предстоит. Вон, те же британцы, Бен Сандерс и Тарка Л'Эрпиньер перед своим знаменитым лыжным походом к Южному полюсу каждый грамм считали, бирки на одежде поотрывали, а Бен даже отломил половину ручки у зубной щетки. Ещё бы, ребята бывалые. Хотя цивилизацией всё ж балованные. Я бы вообще на их месте излишние средства гигиены дома оставил, ну не с белой же медведицей целоваться взасос гламурные бритты планировали?

А вот эту симпатичную бочку с солёной сельдью обходить вниманием явно не стоит. Тяжела селёдка, спору нет. Без наличия волокуши я её точно не взял бы. А при таком транспортном средстве, почему бы и нет? Больно рыбка знатная. Жирная, калорийная, насыщена минералами и микроэлементами, так необходимыми организму в столь тяжёлом походе. И ещё в ней кладёшь витаминов и мощный антиоксидант¹¹ селен, который улучшает кровь. А вес мы оптимизируем. Берём лишь филей! Головы, хвосты, хребты таскать по тундре дурней нет. Ого! Да она и с икрой! Ещё не додумались поставщики тушки потрошить и икорку баночками продавать восторженному потребителю. Ничего, ушлые потомки мигом сообразят, как снять навар по полной программе. Последнюю икринку из самой захудалой мойвочки выдают, барыги беспринципные».

¹¹ Антиоксиданты или противooksислители – вещества, которые ингибируют (подавляют, задерживают) химические процессы окисления, в том числе и в организме человека.

Сложив деликатес в отдельную торбешку¹², Иван с трудом вытащил мешки в общее помещение.

Урки уже собрались и сидели серьёзные, молчаливые. Иван понимал, одно дело в пылу куража на словах принять столь отчаянное решение и совсем иное – шагнуть из тепла вагона в стылую тундру.

«Так, четверо, вроде, передумали – сидят отдельно, мешки полностью не уложены. Остальные смотрят на них мрачно, нехорошо так смотрят. Вы бы ещё подрались, камрады¹³. Нет? А жаль, я бы с радостью покинул вас по-английски, не попрощавшись».

Зафыркал на буржуйке забавного вида медный чайник, от раритетного вида которого у любого антиквара эпохи победившего капитализма загорелись бы глаза алчным пламенем. Однако блатных не заинтересовали ни чайник, ни его содержимое. Оно и понятно, чай – не водка – много не выпьешь. Иван к спиртному не притрагивался, поэтому чайник с печки снял да и плеснул себе в кружечку. Не жмотничая, кинул туда пять кусочков сахарку, благо учёта никто не вёл. Даже про запас пустую водочную бутылку наполнил крепким чаем до самого горлышка, армейские алюминиевые фляжки, естественно, экспроприировали участники первого захвата.

Уголовники наконец-то переварили случившийся раскол в своей команде и, дабы не потерять лицо, начали бодро про-

¹² Торбешка – укр. сумка, котомка.

¹³ Камрад – (франц. *Comarade*) товарищ.

щаться, сопровождая данное действие одним им ведомыми ужимками и шуточками. Стали по одному, с видимым сожалением, вываливаться из такого тёплого и уютного вагона. Иван, кряхтя и охая, долго возился со своим мешком, стараясь стать последним, слабым звеном этой лихой гопкомпании. Но не прокатило, не претворился в жизнь его столь хитрозадуманный маневр.

– Завязывай шебаршиться! – грозно рявкнул главарь. – Мрак, последним похилиаешь... следом за фраером. Зырь в оба!

Хмурый бычара с топором, пристроенном на поясе, молча кивнул и подтолкнул симулянта к выходу.

«Усё понял. Не дурак,» – Иван с глубоким разочарованием потащил свои котомки к двери. – Это что, выходит я сам себя обхитрить умудрился? Думал, загрузюсь провиантом и затеряюсь при торжественном отбытии общества благородных разбойников в дали дальние, неведомые, а вона оно как обернулось. От этого головореза так просто не скроешься. Эх, поведут меня, как бычка на убой».

Но вертлявая фортуна всё ж таки сжалилась над страдальцем и даже расстегнула верхнюю пуговичку своей фривольной блузки, намекая на возможность полной виктории. Случилось это банально и быстро. Не успел Иван огорчиться тому факту, что позади него будет тащиться крупный детина с пустыми глазами серийного убийцы, как того окликнул из приоткрытой двери один из оставшихся:

– Эй, Мрак, вы ж котелок забыли, – видать, дезертиров всё же мучила совесть. Или может они опасались, что пахан передумает, вернётся?

Уркаган со столь подходящей для его облика кликухой обернулся, а Иван мгновенно юркнул в пространство между вагонами. Подлез под сцепку и засеменил в голову поезда.

«Пока в такой темени до Мрака дойдет, что опекаемый дал дёру, пока он с Сободем перетрёт данный конфуз... Да и не будут они моим отловом заниматься, силы впустую тратить – до ближайшего поста километра три. Если захотят, то и там себе ослика заимеют. А вот мне поспешать надо».

Иван перетащил своё, нажитое непосильным трудом, имущество в тёмный проем туннеля. Непросто это было осуществить в потёмках, когда только свет далёких звёзд подсвечивал рельсы, упирающиеся в массив снежного заноса.

Трудяга прислушался, пригляделся – погони нет! Забрался в локомотив. Щедро загрузил топку углём. На верхней полке под потолком кабины нашел алюминиевый котелок и тормозок¹⁴ машинистов с едой. Раззадоренный находкой рванулся через торцевую дверь в тендер¹⁵ с углем и обнаружил там кусок грязного брезента, а в нём замерзшую заднюю часть оленя. Плюс две огромные заледенелые рыбины.

¹⁴ Тормозок – своеобразный сухой паёк, который шахтеры берут с собой в шахту. Чаще всего, это хлеб с салом или колбасой.

¹⁵ Тендер – специальный вагон, прицепляемый непосредственно к локомотиву. Предназначен для перевозки запаса топлива (дров, угля или солярки), а также воды для парового котла.

Иван всё моментально уразумел: бытовые торговые отношения со здешним коренным населением имели место быть. Скорее всего, осуществлялись они, минуя денежный эквивалент. Чистый натуральный обмен. Туземцы – меха и убиенную живность, пришлые – технические плоды цивилизации. И «огненную воду», естественно. В итоге – все довольны. Криминал, конечно. Ну да куда же без теневой экономики, даже при тотальной гегемонии пролетариата и принципов социалистической экономики. Во все времена крутились человечки в борьбе за выживаемость, обходя государственные институты торговли товарами и услугами. И в Советском Союзе за бутылку – другую можно было достать и сделать практически всё. Не афишируя, но и особо не таясь. Главное, без участия денежной массы. За спекуляцию и нетрудовые доходы соответствующие статьи полагались. И применялись рьяно. Хотя были исключения и в этой области экономических взаимоотношений. К примеру, печники. Эти работали за денежку, не заморачиваясь никакими проблемами налогообложения. Ещё Иван помнил, что каждый год отец нанимал знакомого цыгана вспахать участок под посадку картофеля. Платил червонец. Все соответствующие госорганы знали сей секрет Полишинеля, но мер, в данных случаях, никаких не принимали. Труд честный, тяжёлый. Государственных конкурентов не ущемляет, ввиду полного их отсутствия в данном секторе производства и услуг. Да и куда работяга эти мятые рублики денет – не в оффшорные же зоны ки-

пров вражеских. В родной сельмаг и отнесёт, советские товары закупит, укрепляя тем самым экономику страны. А если водочку выкушает после рабочего дня, то это тоже немалый вклад в госбюджет. Ну чутка налогов недоберет казна, так это мелкие мелочи. Экономия таких копеек потерей тысяч рублей обернётся. Это только либералы поначалу совок за бюрократию прессовали, а дорвались до власти, такое развели, что коммунякам и не снилось. За десять копеек недоплаты уведомления на сотни рублей высылали. Иван получал такие. Смеялся, плевался, тратил время, платил комиссионные в банке, но гасил ничтожную недоплату. А куда денешься, за утаённый грош бюрократическая машина сожрет и не подавится. Вот ежели сотни миллионов умыкнуть...

Распихав все свои сокровища по мешкам, мародер поневоле, пыхтя от натуги, стал спускать их на подветренную сторону состава. За раз всё забрать не получилось: жадность – это такая жаба. Самый страшный зверь для человечков. Понимал ведь, что пятилитровая керосиновая канистра, хоть и не совсем полная, вес имеет приличный, но как откажешься от столь необходимого? Даже полупустой мешок с паклей прихватил, благо, она практически невесомая.

«Ну я и затарился! Всё, последний мешок, хватит искушать судьбу. Если решился, то – вперёд!»

Иван спустился по лесенке на утрамбованный лютыми ветрами снег, но так и не смог сделать шаг в сторону тоннеля. Виной ли тому эйфория от успешного побега и удачных на-

ходок, или подсознательное желание отсрочить момент разрыва последних связей с цивилизацией и её представителями, но в его голове возникла рискованная мысль:

«Добегу-ка я до арестантов. Предупрежу про паровоз. А иначе получается, что я зря старался, уголёк в топку кидал. Пока начальник проспится – замёрзнет система. И зеки намучаются, и человек под плохую статью попадёт. Расстрел за такой ущерб социалистической собственности светит. Не хочу грех на душу брать».

Дело нехитрое. Добежал. Достучался. Втолковал дневальному в двух словах, что делать и как. Тот всё понял и обещал скоро прислать сменщика из понимающих в паровозных делах. Иван потрусил обратно, прикрывая лицо от порывов пронизывающего ветра. И тут фортуна вновь проявила свой изменчивый и капризный нрав. Загремела открывающаяся дверь и из женской теплушки вывалились две пошатывающихся женщины и два дезертира-уголовника. Причём, последний с керосиновым фонарём, выволоч за воротник ещё одну особу, которая, в отличие от своих подружек, видать не очень была рада такой компании.

«Всё понятно. Где море водки и горы жратвы, там рано или поздно появятся и бабы. Над составом реет дерзкое знамя анархии, ухмыляясь безглазым черепом. В соответствии с девизом беспредельщины „Анархия – мать порядка, хаос – его отец!“, до утра будут бесчинствовать уркаганы, пока не ухрюкаются в стельку. Теплушку бы не спалили, ироды.

О чем я!? Мне в путь-дорогу давно пора, а не волонтерством сопливым заниматься».

Иван уже хотел нырнуть под состав и обогнать загулявших с другой стороны, но, вспомнив жестокий поток воздуха с наветренной стороны и про уже образовавшиеся снежные наметы, решил просто идти следом. Первая тройка благополучно скрылась в теплом нутре штабного вагона, а вот последняя парочка подзадержалась. Кавалер-то как раз спешил к сотоварищам, а вот его спутница всячески упиралась и, похоже, понимала, что за тепло и пищу тутошние упыри потребуют несоразмерную оплату. Кажется, она даже умудрилась укусить настойчивого ухажёра, судя по тому, как он взвыл и отшвырнул в снег свою партнёршу, словно щенка. В тусклом свете лампы Иван увидел огромные, в пол-лица, умоляющие глаза молодой особы и блеснувшую заточку в руке бандита. Девчонка заметила замершего в тени вагона незадачливого беглеца и с отчаянием в голосе прохрипела: «Спасите!».

Понимал Иван, что в данном случае самым рациональным решением является быстрый нырок под вагон и ускоренное передвижение к уже заждавшейся его волокуше с таким обилием походных ништяков. Но вот тело выполнило совсем иной алгоритм действий. Он стремительно рванулся к уголовнику и оглушил его ударом по голове черенком от лопаты, которым предусмотрительно вооружился в кабине машиниста.

«Теперь всё. Выбора нет. Может блатной и выживет, но разборок не избежать».

Мозг был холоден и спокоен. Движения чёткие, выверенные. Иван нахлобучил уркагану на голову отлетевшую ушанку. Подхватил заточку, фонарь и, перешагнув через копошащуюся в снегу девушку, размеренно побежал к голове состава.

Глава 4

Старт

Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на время, место и обстоятельства.

Нить может растянуться или спутаться,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.